

Сергей Юрьевич Буянов

Чужой астрал

Сергей Буянов

Чужой астрал

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9805134

ISBN 978-5-4474-0940-1

Аннотация

А вы уверены, что верно выбрали профессию, а нынешняя жизненная позиция соответствует вашему предназначению? А если кто подскажет иной путь, и он окажется во сто крат успешнее? Профессиональный астролог с рабочим псевдонимом Дромадер мечтает о мировой славе. Но, астрологов много, и каждый из них может желать того же. Занимаясь глубоким исследованием астрала, Дромадер находит астрологических близнецов. Он рекомендует им сменить профессию.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	20
Глава 4	24
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	47
Глава 8	55
Глава 9	64
Глава 10	70
Глава 11	105
Конец ознакомительного фрагмента.	109

Чужой астрал

Сергей Юрьевич Буянов

© Сергей Юрьевич Буянов, 2015

© Зинаида Тихонова, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе
Ridero.ru

Глава 1

Комнатёнка оказалась тёмной и маленькой, что было необычно для квартиры сталинской постройки, где без высокой стремянки и лампочку не вывернуть. Внутри такой квартиры человек чувствует себя скромным перепуганным пигмеем. Однако вошедший молодой человек не удивился. Он был готов шагнуть в запретельное.

Глаза привыкли к мягкой темноте, посетитель огляделся. Стены обтянуты плотной материей неопределённого цвета. Окон не видно. В центре висит шар похожий на футбольный мяч. Он излучает матовый свет. Молодой человек пригляделся к висящему шару из прозрачных пятиугольников. Сквозь них что-то проглядывалось. Оно плавало в шаре и исходило фиолетовый свет.

– Георгий!

Посетитель вздрогнул. Это был голос его отца.

– Жорик!

Это сказала мама. Молодой человек понял: его разыгрывают. Шутка была жестокой. Родители Георгия погибли четыре года назад.

– Крепись, Георгий Тимурович! – голос стал незнакомым.

– Я не одобряю чёрного юмора!

– Ты пришёл узнать о своём предназначении, не так ли?

– И заплатил за это приличные деньги!

Внутри шара появились отблески огня.

– Смотри внутрь!

– Я смотрю! – сказал Георгий. Розыгрыш продолжался. Останешься ты без копейки, Георгий Тимурович! Молодой человек вздохнул. И всё по недомыслию своему!

Любопытство пересилило желание выскочить вон, пока мошенники не обообрали до нитки. Георгий сунул руку в нагрудный карман, нащупал бумажник и шагнул ближе к шару. С низкого потолка, контуры которого хорошо просвечивали, не видно никаких верёвок. Георгий вытянул руку и провёл ладонью вокруг шара – ничего кроме воздуха!

Бесформенная фиолетовая масса сгруппировалась, изображая какой-то предмет. Георгий заворожено смотрел за превращениями внутри шара.

– Приглядиись внимательнее, Георгий Тимурович!

Георгий видел какой-то длинный изогнутый предмет, но понять его назначения не мог.

– Что это?

– Гаечный ключ на тридцать два – тридцать четыре, – подсказал астролог.

Георгий поперхнулся.

– Г-ха, ха! Ха-ха-ха! – смех разобрал его. Вот, попался! Надо же быть таким олухом!

Шар потемнел и исчез. Словно растворился в воздухе. Георгий понял, это всего-навсего голограмма! Сейчас включится свет, и раздастся дружный гогот друзей!

Свет действительно включился, но смеха не последовало. Георгий оказался в холле большой квартиры. Свисающая с высокого потолка люстра с массивными плафонами и подвесками совсем не походила на футбольный мяч. За спиной раскрылась массивная дубовая дверь, приглашая клиента к выходу. Георгий прошёл по жёсткому ворсинчатому ковру, похожему на зелёную траву. В коридоре и подъезде его никто не встретил. Едва посетитель перешагнул порог квартиры, брякнули колокольчики, и захлопнулась дверь.

– Мистика! – сказал вслух Георгий и прикрыл рот ладонью. Как бы кто не услышал и не принял его за сумасшедшего!

Георгий выскочил во двор. Дети возились в раздолбленной песочнице, мирно выпивали из горла мужички, сидя на останках карусели: никому не было никакого дела до обלאпошенного клиента мага и астролога.

Георгий прошёл за угол дома, достал из кармана визитку, перечитал.

ПОТОМСТВЕННЫЙ МАГ И АСТРОЛОГ АЛЕКСАНДР ДРОМАДЕР укажет Ваше истинное предназначение!

Георгий сверил адрес с номером дома, из которого только что выскочил. Всё совпадало. Получается, он вышел из той же квартиры, в которую попал по объявлению. Только почему при выходе из прихожей не оказалось мебели и плюгавенького лысеющего мужичка, собирающего деньги? Подобно эфирному шару он испарился, испарился вместе

с деньгами Георгия!

Георгий в ужасе сунул руку за пазуху. Бумажник оказался на месте. Он выдернул кошелек и проверил: ничего не пропало, даже розовая квитанция за услуги астролога.

Георгий перебежал узкую улочку, остановился в другом дворе, смял самодельную визитку из куска ватмана, обклеенного скотчем, и выбросил в люк подземных коммуникаций. За спиной раздался звонкий смех, Георгий выпрямился. Осторожно, словно невзначай, обернулся.

Маленькая девочка бросала мячик на резинке и заливалась колокольчиком.

У-ух! От сердца отлегло. Какое милое, непосредственное создание! Этой крохотульке незачем думать о своём предназначении, как некоторым олухам! Георгий вынул носовой платок и обтёр лоб. Хорошо, никто из знакомых не видел его в этом дворе, коллеги бы обсмеяли, подруги – сморщились от вида искателя счастья.

И всё же, на что указал астролог? Что это за гаечный ключ необъятных размеров? Георгий задумался, кто работает такими инструментами? Не иначе травматологи! Или работяги...

Он мотнул головой, как бы скидывая ужасную догадку. Может ли такое быть? На дворе конец двадцатого века, в стране рождается крупный капитал, а ему подсовывают какой-то газовый ключ? Это тогда, как ровесники активно вливаются в большой бизнес!

Побывал в комнате смеха, решил Георгий и поспешил к станции метро. До ночного дежурства оставалось три четверти часа.

Глава 2

Поезд прибыл по расписанию, двое пассажиров отделились от потока выходящих. Им не нужно было рваться к каскам вокзала. Проскользнув мимо гогочущей толпы студентов, мужчины направились к стоянке такси.

– На рынок! – сказал старший.

– Пожалуйста! – кивнул водитель и назвал цену.

Пассажиры посмотрели на мигающий счётчик и промолчали. Столичные порядки! Мужчина пятидесяти лет сунул сумки на заднее сиденье и влез сам, оставив почётное место у шофёра молодому спутнику.

– Егор! – обратился он к попутчику. – Сперва затаримся, а потом к земляку заедем!

– Ладно! – согласился Егор. – Только такси у базара отпустим!

Они разговаривали, не замечая шофёра. Будто бы его не было. Водитель помалкивал, усмехаясь, провинция!

– Дед Никола! Зря мы пивка-то не взяли!

– Успеем! Какое наше время?

– А земляк-то? Он как насчёт пивка-то?

– Свой мужик! Даром, что москвич! – дед хлопнул товарища по плечу.

Шофёр пожал плечами. В широком смысле все люди – земляки. Одну землю топчем!

Дед вынул из-за пазухи рабочей куртки затёртый листок и начал вслух зачитывать многочисленные заказы дочери и своей бабки.

Егор молчал.

Водителю было всё равно. Многие из вещей, называемых дедом, на сегодняшний день купить невозможно. Пассажиры не собирались зарядить такси на все магазины и рынки, так пусть себе болтаются, как смогут! Шофёр обернулся, встретился взглядом с дедом и отвернулся. Да, с такого не то чтобы лишний рублик – копейки не вытянешь! Лучше не заикаться, иначе по рогам схлопотать несложно. Если рядом с дедком посадить пассажира, то только боком. Такой развал в плечах. Таксист покосился на Егора. Тоже порядочный громила. Родственники? Да, наплевать! Он прибавил ходу, срезал дорогу в двух местах и поскорее избавился от дремучих провинциалов.

Гости столицы обошли громадный рынок, попивая пивко на ходу, набили сумки товарами и, еле волоча сумки, вернулись к автобусной остановке.

– К земляку? – спросил Егор.

– Едем на двадцатке! – сказал дед Никола.

– Да ты что! В автобус с тюками?

– Дак, как? Опять живодёра ловить? – возмутился дед Никола. – Сколь пузырей тому рвачу подарили?

Егор не ответил.

– То-то и оно! Каждому москвичу будем делать подарки,

дак без штанов уедем! Много они нам подарков дарят?

– Они к нам не ездят, – улыбнулся Егор.

– Ха! Ещё как ездят! Припрутся, наберут маслица, сметанки, творожку домашнего за полцены и айда в свою Белокаменную! – с жаром сказал дед, размахивая руками.

– Так уж и в полцены?

– Ну не в пол-, в полторы. Так чего сравнивать-то? Ты смотри, как живут! У них, видите ли, «карбюратора на запорожец нема»! – передразнил продавца дед Никола. – Сплошь заграничные тачки!

– Это цветочки, – сказал Егор. – Посмотрим, года через два-три что будет!

– Да плюнуть и растереть! – сказал дед Никола, так и сделал. – Поехали, наш подошёл!

Они протащили сумки на заднюю площадку, распахав скромную интеллигенцию, прикрывшуюся развёрнутыми газетками.

– Передай! – дед протянул мелочь в заскорузлой ладони с вьёвшимся до кости мазутом.

– ...те! – поправил его мужчина, не глядя на протянутую руку.

– Здравсь-те! – передразнил дед. – Передай, говорю!

Пассажир отвернулся, но тотчас пожалел об этом. Через секунду он оказался лицом к лицу с промасленным работягой. Это дед Никола схватил его за узкие плечи и с силой развернул на сто восемьдесят градусов.

– Что вам нужно?

– Нам? Нам нужно заплатить за проезд, понял?

– Не дышите на меня перегаром, прошу вас!

– Это я прошу тебя, передай деньги кассирше!

Тщедушный пассажир не стал пререкаться. Звать на помощь он не решился. Во-первых, стыдно. Во-вторых, вдруг и другим людям страшно?

– О, народец, а? – сказал дед Никола.

– Да-а, – протянул Егор, забирая билеты. – А долго ещё?

– Я увижу. Садись на сумки!

– Сколько остановок?

– Никогда не считал! Да ты не ерепенься! Говорю, увижу!

Сразу за церквушкой – наша остановка! – сказал дед Никола, кивнув самому себе.

– Убери грабли! А то приложусь от души! – разозлился Егор, скидывая с плеча ладонь с наманикюренными ногтями невежливого интеллигента. Рука, дохляка отскочила, как от кипятка. Егор успел заметить, обведённые голубым на фоне розовых ногтей, сердечки на каждом пальце. Молодой человек рванулся в середину салона. Егор, не оборачиваясь, лихо присвистнул. Раздался звонок кондуктора. Автобус остановился.

– Мужчины с мешками, немедленно выйдите из автобуса! – сказал водитель по селектору.

Друзья переглянулись. И кто тут с мешками? Разве что спящий на заднем сиденье тип с оплывшим лицом – его

мешки под глазами.

– Вам говорю! – завизжала пухлая кондукторша в серой линиялой кофточке. – Немедленно выходите! Иначе милицию позову!

– Ты чё это! – гаркнул громче её дед Никола. – Сына твоего обидели?

– Не твоё дело, сиволапый! Выпрыгивай немедленно, тебе говорю!

– Пошли, ясно всё! – сказал Егор, подтолкнув деда выходу.

– Вот, козлы! – выругался дед Никола, выпрыгнув из автобуса.

– Теперь куда?

– Из-за козла крашеного пешком теперь переться! – дед Никола сплюнул на правую ладонь и растёр руку о штанину. – Ты-то хоть не прикасался к нему?

– Нет! – вскрикнул Егор, брезгливо отряхиваясь.

– Что не бывает, а всё – к лучшему! – вдруг обрадовался дед Никола

– Что, к лучшему? – не понял Егор.

– А вот же, церквушка! Нам, направо! Доехали бы до остановки, возвращаться нам назад два квартала, вот как!

– Повезло?

– Повезло!

Вскоре друзья попали во двор.

– Дома-то большие!

– А ты думал? – усмехнулся дед. – Сталинские!

– Тут Сталин жил? – спросил Егор, задрав голову.

– Не-е, люди тут жили, и без тараканов!

Они вошли, в подъезд, поднялись на второй этаж, остановились перед деревянными дверьми, позвонили.

– Кто?

– Дед Пихто и бабка Никто! Отворяй, Митрич! Да пошустрее!

– А-а! Земляки! – обрадовался хозяин. Замок щёлкнул, Егор толкнул двери. Поторопился! Щёлкнул второй замок, и третий. Затем дверь приоткрылась на длину цепочки толщиной с палец.

– Ты чего так забаррикадировался? – удивился дед Никола. – Прошлый год шпингалета хватало!

– Ты ещё времена застоя вспомни, Никола! Заходите!

Земляки зашли. Не долго думая, мужчины сообразили столик на троих. Подошёл журнальный – других в квартире не было. С высоченного потолка ключьями свисала серая паутина, на полу лежали расползшиеся домотканые половики. Местами их лохмотья засалились так, что казалось: из половиков растут чёрные грибы. Митрич включил сороковаттную лампочку, встроенную в стену.

– Так уютнее! – сказал хозяин, отключив общее освещение.

Гости огляделись. В самом деле, обшарпанные, сто лет небеленые стены в полумраке выглядели не так страшно,

разлезшаяся фанера журнального столика – гостеприимнее, а истерзанные пуфики – мягче и удобнее.

Земляки выпили за встречу. Обмыли покупки. Помянули всех знакомых, включая бывших правителей страны. Потом пили за жизнь, здоровье и далее, не чокаясь.

Чтобы не стеснять хозяина, спать улеглись на пол, подложив под головы наполненные сумки. Никто не догадался отключить лампочку.

Егор поднялся в пять утра от сильной жажды, он открыл глаза и увидел одиноко сидящего Митрича. Хозяин тупо смотрел на наполненный водкой стакан.

– Не спится, Митрич?

– Да! – вздрогнул Митрич. – Сушняк замаял?

– Как ты понял?

– Сам был молодым, Егор! Сядь, выпей!

– Не-е, хватит! – мотнул головой Егор.

– Э-эх! Молод ты ещё! – с сожалением сказал Митрич. – А я вот, один не могу выпить, хоть убей! Полчаса сижу, мучаюсь, а в горло не идёт!

– Пиво есть? – сдался Егор, сочувствуя.

– Как же! Как же! – засуетился Митрич. В момент он сбегал на кухню и приволок трёхлитровую банку, початую на три пальца. – Вот!

Они выпили. Каждый своё. Посидели, помолчали, дед Никола спал без задних ног. Ещё раз выпили.

– Егор, ты кем трудишься?

– С дедом Николой.

– Слесаришь?

– Но.

– Слушай, я почему-то про тебя иначе думал! – Митрич доверительно склонил голову.

– Почему?

– Помнишь, вчера ты говорил о Толстом, читал?

– В школе.

– Неплохо учился?

– С тройки на четвёрку.

Митрич налил ещё. Выпили. Поморщившись, он надкусил солёный огурец и продолжил:

– Спасибо зашли, выручили старика! Пивом, сам знаешь, не спасёшься! А я-то писателем был!

– Кем ты был?

– Писателем!

– А сейчас?

– Не идёт пока, – Митрич вздохнул. – Но не думай, навык я не растерял! Вот ты, – он ткнул пальцем в Егора, – слесарь! И я тоже! Слесарь человеческих душ! И как думаешь, Егор, всю жизнь собираешься кувалдой махать?

– Вряд ли. Механизация!

– Чушь! – подпрыгнул Митрич на табурете. – Ты, знающий творчество Толстого и Достоевского, и вдруг, кувалдой!

– А чем ещё? – не понимал Егор. Пьян, видать, хозяин в дупель. Чушь городит бессвязную, вот-вот расплается.

Но Митрич не собирался плакать. Он тятнул ещё полстакана и вдруг трезвым голосом заявил:

– А знаешь, для чего ты родился?

– Кто это знает?

– Почти никто. Но я знаю, как можно уловить своё предназначение! У тебя остались деньги?

– Немного, – сказал Егор. Врать не хотелось, отдавать их за просто так – тем более.

– На обратный билет? – понял Митрич.

– Да, – согласился Егор. Хозяин сам подсказал ответ.

– Очень жаль! А то мог бы узнать своё место в жизни, где ты будешь по-настоящему счастлив. Впрочем, давай выпьем!

Они выпили. Проснулся дед Никола и присоединился. После трёх штрафных он вник в суть разговора и полностью поддержал Митрича.

– В самом деле, умный парень, что ты собрался всю жизнь пропахать слесарюгой? Жаль денег? Я займу! В крайнем случае, если какое дерьмо предскажут, останешься на прежнем месте!

– Что ты теряешь? – с пафосом сказал Митрич, вскочив на ноги и подняв кверху правую руку.

– Кроме кувалды? – усмехнулся Егор.

– Во-во! Кроме кувалды! – подхватил дед Никола. – И ключа на тридцать шесть!

– Уболтали, рискну!

– Риску никакого! Спустишься на первый, в такую же

квартиру, двери подо мной. Пять минут, и всё! Узнаешь своё место в жизни!

– И забежишь в магазинчик во дворе! – добавил дед Никола.

– Не без этого, не без этого, – дважды повторил Митрич.

И Егор пошёл, прихватив пакет для бутылок. Он не знал, для чего это делает: можно сходить за водкой и вернуться, зачем ему вшивый маг-астролог? Но ноги сами остановились возле указанной двери.

События в тёмной комнатухе выветрили из головы слабый пивной хмель. В зависшем сверкающем шаре Егор увидел, как большой гаечный ключ превратился в фонендоскоп. Егор не сразу понял, что это за предмет. Подсказал астролог.

– Медицина! Вот твоё призвание, Егор Андреевич! Этим же летом поступай в академию! Не медли ни минуты! Ты станешь отличным специалистом и будешь получать удовольствие от своей работы!

Аудиенция закончилась. Егору предстояло о многом подумать. Но это после, а пока он поспешил за горячим в винную лавку.

Глава 3

В комнате устланной зелёным ковром с жёсткими ворсинами была расстелена огромная астрологическая карта: звёзды мелкими точками разбросаны по всему полю холщовой ткани, они соединены векторами разной направленности в треугольники, шестиугольники и пантакли. Это статичная карта. Александр Дромадер покрыл её калькой, копией статичной карты, но без созвездий. Получилась динамическая астрологическая карта. Размерами с большой ковёр она укрыла весь пол, края карты легли на плинтус.

Александр укрепил кальку в центре, слегка повернул её.

– Ты взял лишний градус! – заметила супруге Софья. Женщина в атласном переднике стояла у порога комнаты, наблюдая за действиями мужа. Раскрытые до предела глаза сгладили морщинки в уголках её век, длинные чёрные ресницы прикоснулись к очерченным бровям. Софья улыбалась. Она держала руки перед собой, скрестив тонкие пальцы. Она была немногим младше супруга, но выглядела его дочерью.

– Софи! О каком градусе ты говоришь? В крайнем случае, тут отклонение на одну-две секунды! – Александр говорил со знанием дела. Муж не считал супругу своей ученицей, но равной коллегой. Когда он начал посвящать Софию в науку астрологию, обнаруженный у неё дар проявился быстро

и заметно. В один день Софья усвоила все тритоны, смогла по памяти рассказать и зарисовать символы главных стихий неба и мира. Самому Дромадеру на это потребовалось более трёх дней. Через три месяца с начала обучения Софья делала прогнозы самостоятельно и практически не ошибалась. В этом был уверен Александр, так как мнения супругов совпадали.

Сейчас он сместил кальку в сторону совсем не по безграмотности и небрежности. Это получилось от сильного возбуждения, охватившего Александра. Самому не верилось, что встретилось то, о чём только говорят ведущие астрологи!

– Всё же, Саша, тут градус три минуты и пятьдесят две секунды отклонения!

Александр посмотрел в глаза супруги. Какая умница! Родила бы детишек, вздохнул он. Что делать, не судьба.

– Это они?

– Они!

– В одной стране, одной национальности! Удивительно, правда?

– Это замечательно! – Александр поднялся на ноги и потёр ладонями,

– Много ли будет стоять история астрологических близнецов? – Софья вернула мужа на землю.

– Звание магистра астрологии, – убитым тоном ответил он. Александр Дромадер уже был магистром.

– Не расстраивайся, Саша! Всякая информация даёт день-

ги!

– Откуда? – спросил Александр, снимая кальку и собирая в рулон астрологическую карту.

– Взгляни на улицу, Саша!

Александр подошёл к большому окну, выглянул во двор и не понял.

– Что-то изменилось?

– Всё! Ты прочти плакат!

– «Все на референдум», и что?

– А не ты ли предсказал падение предпоследней империи?

– И кто мне тогда поверил, что в девяносто втором не станет могучего Союза? Кто верит сегодня? Люди думают, выйдут, проголосуют, и всё станет по-прежнему хорошо!

– Хорошо станет, да не по-прежнему! И не для всех, – прошептала Софья, прижавшись к плечу супруга.

– Хочешь сказать?

– Хочу! – улыбнулась Софи, – Приходит наше время! Время астрологов, экстрасенсов, шаманов и колдунов разных мастей!

– Какая выгода от астроблизнецов?

– Немалая! Ты направил их по правильному пути. Осталось, проследить за ними и написать об этом большую книгу! По крайней мере, это будет честно.

– Разве хоть одним прогнозом мы обманули какого-то человека? – вспыхнул Александр.

– Для людей наша деятельность какая-то тайная, скрытая,

а значит не совсем, законная. Когда получим мировое признание – другое дело!

– Я понял, – кивнул Александр. – Нужна известность. От неё придёт доверие народа.

– И большие деньги! – глаза Софи загорелись.

– Это когда ещё! – присвистнул Александр.

– А мы что, умираем с голоду?

– Ты права. На все сто! Хорошая научно-популярная книга полезна!

– Автору, прежде всего!

– Займёмся? – предложил Александр.

Не мешкая, супруги разложили по полу астральную карту и принялись отслеживать судьбы астрологических близнецов. Александр отыскивал ключевые моменты их жизни, Софья дополняла их важными деталями.

Впервые астрологическая карта несколько месяцев лежала раскрытой днём и ночью.

Глава 4

Колючая вьюга не могла охладить пыла радостных родителей. Они вышли из такси и, пробираясь сквозь только что наметённые сугробы, весело переговаривались. Порывистый ветер уносил их слова в самую дальнюю даль: вперёд, всем потомкам великой советской страны, в которой шесть дней назад посчастливилось родиться их сыну.

– Егорушка будет жить при коммунизме!

– Он будет знать и помнить, за что боролись его прадеды и дедушки!

– Впереди счастливая эра!

Одной рукой мужчина прижимал к груди укутанного ребёнка, другой – обнимал молодую маму. За разговором супруги без труда преодолели снежные преграды, перепугавшие таксиста. В подъезде нового пятиэтажного дома они отряхнулись от снега, поднялись на второй этаж и не без удовольствия открыли двери собственной квартиры-полуторки, полученной Андреем по случаю рождения первенца.

Еще за порогом было слышно, как в комнате без умолку трещит телефон.

Поздравления посыпались на молодых родителей, как из рога изобилия. Желали всего-всего, что только бывает в жизни.

Марина отвечала на шестой звонок, а уже на пороге по-

явились звонившие первыми. Не смотря на крепчающий мороз, быстро собрались гости. Они принесли подарки: детскую колясочку, санки с лёгкой алюминиевой спинкой – от разных организаций, где работали супруги, и кое-что от себя лично: ползунки, чепчик да вязаные пинётки.

Папа достал бутылку шампанского.

– Новорождённый боится резких звуков! – сказала Марина.

– Беззвучно! – сказал Андрей. Прижав пробку, он развинтил проволочку, снял фольгу и, наклонив бутылку набок, осторожно крутанул пробку. Гости замерли: женщины зажмурили глаза, мужчины не отрывали взглядов от горлышка бутылки, приготовившись подставить бокалы под шквал пены.

Но раздался сдавленный звук, похожий на поцелуй, выпустив лёгкий дымок из широкого горлышка.

– Вышел джин! – сказал Андрей и наполнил бокалы.

– Пусть все желания малыша... – сказал бригадир Андрея и вопросительно посмотрел на Ларину.

– Егора, – сказала она. – Егора Андреевича!

– Егора Андреевича, – торжественно повторил бригадир. – Всегда исполняются!

– Очень хорошо сказано, очень! – выкрикнул толстощёкий работяга из бригады Андрея.

Его поддержали все. Потом была водка и танцы. Виновник торжества преспокойно спал и ни разу не подал голоса

из-за ширмы. Разговоры, как это бывает, перешли к политике. Мужчины обсуждали возможные последствия Карибского кризиса. Одни заявляли, что всякий мир лучше войны, другие требовали от правительства революционных решений.

– Всё уже закончилось! – встряла в разговор жена бригадира, мощная женщина-железнодорожница. – Войны не будет! Мы скоро обгоним Америку!

– Вот тогда-то им не поздоровится! – согласились мужчины. Марина зашла за ширму. Громко разговаривающие притихли.

– Пора домой, – прошептал бригадир.

Гости выпили на посошок и на цыпочках вышли из квартиры. Обувались на лестничной площадке. Андрей проводил их, ещё раз поблагодарил и попрощался.

Потом он долго сидел у кровати спящего Егора и смотрел. Это его сын! Надежда и радость! Егору жить при коммунизме, а не работать как проклятому! Как же быстро идёт время, какие успехи делает страна! Ещё вчера раздавали хлеб по карточкам, а сегодня получаем отдельные квартиры! Если так дальше пойдёт, то и Андрею удастся зацепить кусочек жизни при коммунизме. А внук его сможет путешествовать по всему миру. Миру, где не останется врагов и преступников!

Глава 5

– Извини меня, Тимур, я всё знала, всё понимала, но не получилось!

– Всё уже позади! – сказал мужчина, обняв худенькую жену и посмотрев на неё счастливыми глазами.

– И всё-таки, мне думалось, что не буду себя так вести! На поверку оказалось: знать – одно, а пережить самой – совсем другое.

– Ни к чему оправдываться, дорогая! Выше нос, Елена Георгиевна! У нас теперь есть сын, наш сын! Не беда, что нам не по двадцать лет! Зато родители Георгия будут зрелыми людьми! – без умолку говорил мужчина, сидя на переднем сиденье «чайки». Он поминутно оглядывался к измученной родами супруге и розовощёкому младенцу. Изо всех сил он старался отвлечь супругу от непонятного раскаиивания. Он сам принимал роды, сам готовил супругу к этому испытанию, и её страх не был сильным. За свою практику Тимур Виленович наблюдал не одну сотню родов, и только в двух случаях роженицы не чувствовали боли схваток и не кричали.

Подъехав к Кутузовскому, машина затормозила, ткнувшись носом. Ребёнок заплакал. Мерное укачивание прекратилось, что вызвало недовольство новорождённого. Но путь был перекрыт. Водитель, личный шофёр друга семьи, развёл

руками.

По проспекту промчались милицейские машины с включенными мигалками, на крыше каждой был установлен рупор, в который постоянно кричали, заставляя остановиться и освободить дорогу правительственному кортежу.

Ребёнок закричал сильнее. Елена Георгиевна приложила все силы и старания, но мальчик не умолкал.

Правительственные машины совсем не спешили. Кремлёвские водители вели их нарочито размеренно, словно печатая шаг. Будто не автомобили, а колонна живых людей шла по широкой дороге, с достоинством оглядывая обочины.

Ребёнок взвизгнул пронзительнее. Тимур Виленович развернулся и облокотился на спинку сиденья, собираясь помочь супруге.

Шофёр вздрогнул от резкого крика ребёнка и случайно нажал на сигнал. Вспотев от ужаса, он оторвал ладонь с руля и опустил руки на колени.

– Членовозы хреновы, – вполголоса выругался он.

Ребёнок вдруг замолчал, и тихие слова ударили водителю по ушам. Тимур Виленович развернулся и сел. Шофёру показалось, что пассажир взглянул на него с укоризной. Сдаст! Как пить дать, сдаст! Он заёрзал на сиденье. Сколько дадут? Четвертак или поменьше?

Путь освободился, но оцепеневший водитель не трогался с места. Автомобили, стоящие позади, засигналили.

– Поехали, Виталий Петрович! – сказал пассажир, в его

взгляде не было никакого осуждения. Наоборот, немолодой папаша светился счастьем. Может, не сдаст?

Водитель резко отпустил сцепление. Машина дёрнулась и чуть не заглохла. Ребёнок снова заплакал, пассажиры участливо молчали. Шофёра первого класса бросило в жар. Такого с ним ещё не случалось. Это не к добру. Сдаст Тимур Виленович, не сам – так супруга его!

Сзади засигналили протяжнее. Шофёр внутренне подбрался и взял себя в руки. Оставшийся путь он хмуро поглядывал на пассажира. А тот не замечал ничего вокруг, разговаривал с супругой так, будто ничего не случилось! Это не из той машины, где он сидел, просигналили колонне правительства!

Но Тимур Виленович всё замечал и не упустил ничего. Когда, машина наконец выехала из Москвы, и прикорнула супруга, он сказал водителю:

– Виктор Петрович, не переживайте! Если спросят: «Почему подал сигнал?» – ответите, что приветствовали кортеж! Это я попросил посигналить в честь рождения сына!

– Да?! – приподнялся водитель, не веря собственному счастьем и избавлению.

– Именно так, Виктор Петрович, – ответил Тимур Виленович, прикрыв веки. Ехать оставалось чуть меньше часа.

– Спасибо, – прошептал водитель. Теперь он понял: не сдаст! Интеллигент интеллигентом, а понимает – в сердцах и не такое ляпнешь, и не такое сотворишь.

Когда машину остановили на первом же посту ГАИ, шофёр выглядел радостнее супругов. Словно это его сын родился!

Пассажиры оставили письменное объяснение своего поступка, после чего преспокойно добрались до дому. Уже через час они позабыли о шокирующем инциденте.

Спустя три дня Тимур Виленович получил официальное приглашение к министру здравоохранения СССР. Мысленно попрощавшись с должностью заведующего родильным отделением и женой с ребёнком, он вошёл на ковёр к самому высокому начальству.

– Здравствуйте, Тимур Виленович! – приветствовал его министр, жестом пригласив сесть на жёсткий стул. В кабинете кресел не было. Сам министр расположился во главе стола на деревянном табурете. За его спиной стояло два полированных шкафа и сейф. Тимур Виленович оглядел беленые стены и дощатый крашеный пол.

Рядом с министром сидел седой фронтовик, он и продолжил разговор. Тимур Виленович не удивился и не испугался, он не чувствовал за собой никакой вины.

– Тимур Виленович, вы член КПСС с 1956 года?

– Так точно! – почему-то по-военному ответил врач. – Мне было восемнадцать.

– Дети войны созревали очень быстро!

Тимур Виленович промолчал.

– Не стану вас мучить ожиданием, скажу прямо, для чего

пригласили. Никита Сергеевич пожелал сделать вам подарок к рождению ребёнка! – фронтовик пожал руку доктору. – Мы изучили ваше личное дело и пришли к выводу: лучше, чем рост вашего мастерства, подарка нет!

Тимур Виленович вежливо поклонился.

– Нас поддержал ваш министр, – говорящий кивнул на хозяина кабинета. – Вы направляетесь на специализацию в Венгрию! Детали обсудите с вашим начальником, а от правительства и Никиты Сергеевича лично, ещё раз сердечно поздравляю!

Фронтовик пожал руку Тимуру Виленовичу и вышел из кабинета, печатая шаг.

Министр улыбнулся и вынул две путёвки на специализацию в Будапешт: товарищу Лазареву и его супруге.

– Пройдёте специализацию по родовспоможению и интенсивной терапии новорождённых!

Тимура Виленовича оглушили эти слова. Когда тот человек в штатском с орденскими планками сказал о росте мастерства, доктор заикнулся на одной мысли: «Отправят главным врачом в захолустный роддом, подальше от области, чтобы никогда не пересекал правительственной трассы!»! Слов о Венгрии он не слышал. Теперь, глядя на бумаги с чётким адресом: «Будапешт» верил и не верил своим глазам.

– Через полгода вас устроит?

– Да, – ответил Тимур Виленович, не думая.

– Ребёнка возьмёте с собой, все условия будут созданы. Забирайте путёвки и готовьтесь! – сказал министр на прощание.

– До свидания, – только и смог вымолвить Тимур Виленович. Выходя из министерства, он корил себя за то, что никого не поблагодарил. Будто воспринял, как должное.

– А может, мы и заслужили это? – спросила его дома супруга.

– Может быть, – согласился Тимур Виленович, обрадованный реакцией жены.

Елена Георгиевна и не думала сетовать на трудности, какие возникнут с шестимесячным ребёнком в заграничной командировке. Разве они не мечтали вместе преодолевать любые трудности, идя по жизни рука об руку?

Глава 6

В узкой комнатушке стояло две придвинутых вплотную парты, вокруг на деревянных скамейках сидели слесари. У окна стоял огромный металлический шкаф с инструментами особой ценности, которые нужно закрывать на ключ. Рядышком, на железной табуретке, шумел чайник на самодельной электроплите из двух огнеупорных кирпичей с толстой спиралью из пружины. На стенах и крышке шкафа спрессовался слой пыли с мазутом, солидолом и толчёным графитом. Задевать рукавом самой промасленной спецовки эти места никому не хотелось. Поэтому на шкаф набросали всякого хлама, ненужного в работе: обрывки извозюканной ветоши, распушённые кончики сальников, прохудившиеся резиновые прокладки, пропитанные мазутом газеты и прочие отходы производства. Помещение освещало несколько ламп дневного света, плафоны которых матово серели на фоне прокопченного потолка.

Слесари азартно стучали по столешнице костяшками некогда белого домино, количество точек можно было определить по ямкам-углублениям. Бригадир называл их «домином для слепых». Но каждая костяшка была настолько привычна взгляду играющих, что только новичок мог путаться и неправильно подсчитывать очки. Из-за непрерывного шума турбин, доносившегося сквозь толстое стекло и железные

двери, стука костяшек почти не было слышно. Забивали Козла: двое на двое. Проигравшие обязаны были купить талоны на комплексный обед в столовке ТЭЦ.

– Рыба! – сказал Егор, щёлкнув тремя костяшками, отдуплился с обеих сторон и замкнул линию домино шестёрками.

– Оба, как! – раскрыл рот Лапа. Так звали здоровенного бугая за то, что он мог одной ладонью накрыть блюдце в рабочей столовке.

– А вот так! – заявил дед Никола, играющий в паре с Егором. – Генеральские козлы!

– Вас в Москве так научили? – спросил бригадир Хорёков. Попросту, Хорёк.

– А как же! – улыбнулся Егор, сверкнув белыми на фоне чумазого лица зубами, как у негра. О чём не преминул сказать Лапа.

– Слушай, Лапа! Я там одного типчика из трамвая выкинул! – сказал Егор.

– И чё?

– А то! На тебя похож был, когда умоешься. Тоже тени под глазами!

– От, блин! – неожиданно развеселился Лапа и рассказал: – Один кон, едем с Федей из котельного в автобусе, а к нам – бабы, а нам какие бабы? Скорее домой и на рыбалку, уже готово всё.

– С собой бы их взяли! – перебил Хорёк.

– Какие бабы на рыбалке? – возмутился Лапа. – Бред! Ко-

роче, они нам: «Мальчишки, мальчишки!» – а мы, значит, молчок, не к столу ложка! А они: «Ф-фу, голубые»! Прикинь, а? Вот ведь, развелось! Раньше небо было голубым, а теперь смешно: как это, небо и вдруг голубое?!

– Пацаны вы, пацаны! – сказал дед Никола. – Знаете ли, как оно, раньше было-то?

– А чё, голубые были?

– Были! Красные да белые!

– Этого и сейчас полно, после двух! Хошь, красное бери, хошь белое!

– Ага! Только из красного один томатный сок и остался! – грустно сказал дед Никола, рассмешив мужиков. Будто бы он пил красное!

– Убирайте кости! – крикнул Тихоня. Он заметил мастера. Тот поднимался по решёткам металлической лестницы.

Тихоня обычно сидел у самой двери и смотрел через стекло в цех. Мужчина лет сорока с фамилией Тихонов на кличку не обижался, в игры не играл, в спорах не участвовал – вёл себя точно как Тихоня.

Егор перемешал костяшки. Пойди теперь докажи, что кто-то забивал Козла в рабочее время!

– После обеда сразу отключим подачу пара ко второй турбине! – с порога сказал мастер, по-другому его и не называли. – Надо запорную заменить!

– Зачем? – не понял Лапа. – Там же новьё!

– Дерьмо, а не новьё! Заводской сальник расползся! Го-

ворил же, замените! Теперь как хотите, а концу смены запустите турбину!

Бригада пошла обедать. Лапа как самый молодой, ему только двадцать шесть, спустился вниз, проверить, закрыли ли пар.

В столовке проигравший бригадир взял талоны Егору и деду Николе. Один талон – один комплексный обед. Съедобные только беляши, а отдельно их не продавали. За столом поболтали о Москве. Выяснилось, что умирающих от голода там нет – никто их не возит на саночках к кладбищу. В магазинах очереди за чаем и сахаром, и это всё.

– Во, жируют, а! – возмутился Лапа.

Все его поддержали. Кое-кто истратил талоны на сахар ещё до начала месяца. Но на что нам карамель? И она бродит с дрожжами. С томат-пастой – чуть хуже, но и это не беда! В итоге заключили, что жизнь у них ничем не хуже Москвы.

А посла обеда засели за стол в слесарке. Теперь играть было нельзя, в любой момент мог появиться Мастер.

– Может, пойдём? Чё тут высиживать? Сколь ни парь яйца, цыплят не будет! – предложил бригадир. Он собирался уйти с работы на полчаса раньше, а тут какой-то дурацкий ремонт!

– Нет, – сказал дед Никола. – Рано. Пусть конденсат осядет!

– Да ну его в баню, конденсат этот! – сказал Лапа. – По-маленьку, полегоньку открутим крышку с переходника, пар

и выйдет, потом откроем задвижку, и дело в шляпе!

– Ат-тыть, шустрый какой! А техника безопасности? – встрял неожиданно появившийся Мастер. – Пойдёте не раньше трёх!

– Вот где козёл настоящий, а ещё мы – генеральские! Мастер у нас – маршалский! Не мог с утра сказать! – возмущался Лапа тотчас после ухода Мастера.

– Начальству виднее, – сказал Тихоня.

– Да ни хрена ему не виднее! – взорвался Хорёк. – Проторчал в бухгалтерии с тёлками, потом вдруг вспомнил, что турбину не остановил! – вопил Хорёк, умолчав о том, что отключить турбину с утра – дело подсудное.

– Ты полезешь? – глядя в глаза бригадиру, спросил дед Никола.

– Я-то?

– Ты-то! Как бригадный бери ответственность!

– И возьму! – тряхнул подбородком Хорёк. – Значит так, Лапа и Нерослов, – он ткнул пальцем в Егора. – Как самые здоровые – на переходник, а ты, дед Никола – к задвижке!

– Я куда? – спросил Тихоня.

– Ты со мной на подхвате! И туда, и сюда! Идём?

– Под твою ответственность?

– Под мою!

– Не боишься без партбилета остаться?

– Не боюсь! – Хорёк больше всего боялся остаться без расположения тёщи. Только-только наметился путь к примире-

нию, и если он опоздает... подумать страшно, что будет!

– Начальству виднее, – повторил любимую фразу Тихоня и начал собирать инструменты, закончив споры.

Слесари вышли на площадку. Предстояло спуститься на три пролёта вглубь турбинного цеха. Помещение разделялось на три этажа. Со второго до третьего стояли турбины, их цилиндрические корпуса были похожи на паровозы, только в несколько раз больше. В самом низу, на бетонном полу располагалась запорная арматура: насосы, бойлеры, задвижки, переходники. Не смотря на то, что одна из турбин не работала, шуму хватало: друг друга можно было услышать: если только орать прямо в ухо.

Рабочие разошлись, как распорядился бригадир. Хорёк всё поглядывал на наручные часы и прикидывал: сколько времени уйдёт на всё про всё? Выходило, опаздывает! Оставив Деда с Тихоней у задвижки, он рванулся к работающим на переходнике. Похоже, они не спешили. Стоят, приглядываются, будто в первый раз!

– Что уставились, как бараны на новые ворота? Давайте, откручивайте болты с крышки! – заорал он что есть силы.

Рабочие промолчали. Труд предстоял нелегкий. Егор накинуд ключ на гайку размером с хоккейную шайбу, запрыгнул на край шарообразной крышки переходника и наступил на ключ сапогом. Лапа взял большую кувалду с приваренной трубой вместо ручки и ударил по длинной рукоятке ключа. Гайка не сдвинулась с места. Со второго удара сошла.

– Есть! – крикнул Лапа.

Егор снял ногу с петли накидного ключа и подал Лапе рожковый.

Лапа крутанул гайку – бесполезно! Пришлось всё повторять заново. Теперь Лапа от души помахал кувалдой. Когда гайка совсем ослабла, Лапа едва не улетел вслед за отбойным инструментом.

– Силушку девать некуда? – проорал ему в ухо Хорёк. – Работай, как следует, не балуйся!

Лапа промолчал. Он уже откручивал гайку рожковым ключом.

– До конца не отворачивай! – взвопил бригадир. – И через одну!

– Почему?

– А как потом обратно крышку ставить? Так до утра провозимся!

Лапа пожал плечами, махнул рукой напарнику. Они принялись за вторую гайку.

Хорёк посмотрел на часы: «Ужас»! Еще тридцать три гайки – не успеть! А может, не надо откручивать их все для того, чтобы выпустить пар? Может, можно как-то рациональнее, но как? Бригадир побежал к деду Николе

– Дед Никола! Сходи к молодняку, подскажи им, как лучше! Я ору-ору, не слышат! У тебя-то голос баше будет! А то они все подряд гайки откручивают! Как потом центровать будем?

Дед Никола молча посмотрел на бригадира. Зачем центровать, если надо выпустить конденсат? Не снимать же для этого крышку весом в четыреста килограммов!

Дед Никола подошёл к работающим.

– Почему через одну откручиваете?

– Хорёк приказал! – ответил Лапа. – Говорит, что не надо все подряд откручивать!

– А у тебя башки-то нет? – крикнул дед Никола. – Скручивай подряд, но половину! Потом просунем лом, чуть приподнимем!

– Это как? – не понимал Лапа.

– Так! Надо крышку чуть приподнять, как в кастрюле, делов-то! С одной половины понадрокрутите гайки, в щель выйдет пар, вот и всё! главное, чтобы не в рожу! Понял?

– Ну! – махнул рукой Лапа и накинул ключ на гайку. Дед Никола приказал ему отдохнуть, сам запрыгнул наверх, вручив кувалду Егору.

Дело заспорилось. Егор отбил четыре гайки подряд, устал. Лапа отвернулся, не желая помогать умникам. Егор ещё раз взмахнул кувалдой и чуть не упал. Голова кружилась. Что получается? Он бьёт всем телом, а гайка ни с места! Пот залил глаза, поролоновая подкладка каски уже ничего не впитывала. Но выглядеть слабее Лапы не хотелось. Егор поднатужился, отбил ещё две гайки. Руки его опустились. Дед Никола спрыгнул вниз.

– Давай, Лапа, кверху!

Лапа с удовольствием запрыгнул. Дед Никола ухватил кувалду и в два приёма отбил гайку. Рукой отворачивал Егор. Затем снова. И снова. Руки Егора устали. Как это дед долбит и долбит? Лапа ухмыляется, а Егору неловко. Он смотрел на взмокшую спину Деда и думал. Шестьдесят лет деду Николе, а всё пашет. Лучше молодых. Привык надрывать-ся? Неужели Егор станет таким же? Невесёлые размышления прервал, крик Хорька:

– Долго ещё возюкаться будете? Так и завтра не управимся! И всё Восьмое марта тут проторчим!

– Сделаем! – крикнул в ответ Егор, смахнув с лица грязные потоки пота грубой брезентухой рукава.

– Сделаете, как же! – Хорёк посмотрел на часы, не успеть! Он сплюнул и рванулся к турбине, рассуждая: «Времени прошло порядком, пар должен конденсироваться». К такой-то матери всю технику безопасности! Велико дело – сальники набить! Снять задвижку, заменить прокладку, а потом стой себе, набивай сальники! Нечего тут рассусоливать! Соображениями своими он не поделился ни с кем. Пусть ребята откручивают. Может, как раз выпустят давление, всё легче работать.

Пока Егор сгорал от стыда, глядя на вкальвающего пенсионера, бригадир уже скомандовал Тихоне:

– Откручивай!

– Мужики сняли давление?

– Снимут!

– Ещё не сделали?

– Откручивай, как раз успеешь!

– Так сорвёт же задвижку! Вот, и не остыла ни грамму! –

Тихоня потрогал трубу.

– Отойди! – пихнул его Хорёк. – Сам откручу!

Но у самого не получалось. То ключ не тот взял, то гайку сдвинуть с мёртвой точки не смог. Тихоня постоял, посмотрел, да и отобрал инструменты у бригадира.

Когда он открутил болты, сквозь появившуюся щель зашвистело. Бригадир подошёл ближе. Увидев, что болты держатся на честном слове, но крышка задвижки как прилипла, он ухватил вентиль и сдёрнул.

Тихоня инстинктивно отпрянул, а Хорёк заглянул внутрь зияющей трубы. Швист нарастал. Тихоня обеими руками пихнул бригадира в лицо, отбросив его назад. Хорёк упал на спину, больно ударившись затылком. Каска треснула треугольником. В негодовании он вскочил, но ничего не увидел. Вырвавшийся на волю пар разошёлся по всему цеху!

– Об-тъягайку! – вскрикнул дед Никола. – Они с ума сошли! Давай лом, быстро!

Егор подал. Вдвоём воткнули ломик в щель под крышкой шара, раздался чмокающий звук, и исчез пар.

– Козлы генеральские! Какой идиот разобрал задвижку? – надрывался дед Никола на бегу. Следом мчался Егор.

У разобранный задвижки, скрючившись в три погибели, сидел Тихоня.

– Ты?

– Я.

– Вот зубы бы тебе пересчитать! – злился дед Никола. Увидев руки Тихони, он умолк. А потом заорал ещё громче: – Немедленно в медпункт! Немедленно! Отведи его, Егор!

– Чего ты руками туда полез, дурак?

– Начальству виднее, – не разжимая рта от боли, сказал Тихоня. Его кисти набухли. Вспузырившаяся кожа на глазах у всех слезала с пальцев. Тихоня размахивал кистями. Слабые потоки тёплого воздуха ненамного притупляли боль. Егор схватил ведро, набрал ледяной воды и нёс его перед пострадавшим, заставляя Тихоню время от времени опускать руки в воду.

– Спасибо, так намного легче! – благодарил Тихоня.

Они дошли до слесарской. Егор позвонил в медпункт. Рабочее время медсестры окончилось. Егор закурил сигарету, сунул её в зубы больному:

– Не думаю, что будет легче, но покури! – он схватил аптечку, распотрошил её.

– Достань бинт! – попросил Тихоня.

– Какой бинт? Ты что? Анальгин вот, хапай горсть, пей!

Тихоня так и сделал. Две минуты спустя, он реже опускал руки в ведро. Егор осмотрел обожжённые кисти.

– Хорошо, что ничего не прилипло из одежды!

– Чё ж хорошего? – криво улыбнулся Тихоня.

– Гнить не будет, вот что! – сказал Егор таким тоном, буд-

то полжизни видел паровые ожоги.

– Может, мазью? – предложил Тихоня.

– Нет! Лучше ещё анальгину! Скоро приедет «скорая», и в больницу!

– Не надо в больницу! – заупрямился Тихоня.

– Дурак что ли? Или боишься?

– Руки не отрежут?

– Да ты что! Кто из-за кожи руки отрезает? Как тебя уго-раздило пихнуть руки в пар?

– Кожа слезает, – сказал Тихоня, глядя на руки.

– Пускай! Новая нарастёт! – утешал товарища Егор.

– Бригадир сунулся туда лицом, а засвистело сильнее, – начал говорить Тихоня. Егор замер.

– Полулунный клапан задвижки застрял, вот-вот сорвёт! Я и пихнул бригадира в голову, чтобы не обожгло. В это время вырвался пар, вот и результат!

– А зачем ты откручивал?

– Не понимал, что давление дикое?

– Как не понимал? Бригадир приказал.

– Хорёк? Да он же только что от нас ушёл! Ведь видел, что ещё не сняли крышку!

– Он начал скручивать сам. Понимаешь, что бы с его лицом было? Мне хоть руки отрежут, а ему что, голову?

– А перестал бы ты ныть, Тихоня! – разозлился Егор. – Никто ничего тебе не отрежет! А Хорьку надо бы башку оторвать!

– Надо бы! Надо! – в комнату вошёл дед Никола, втаскивая за шиворот ничем не пострадавшего Хорька. – Ах ты, Хорёк, козёл генеральский! Какого хрена полез снимать задвижку?

– Выдержка хорошая, пар должен конденсироваться! Да и вы должны были успеть снять крышку! Это Лапа там сачковал!

– Я-то чё? – не понял Лапа. – Пахал, как робот!

– Ах ты робот долбанный! – Хорёк вырвался из рук деда Николы. – Я за тебя теперь в тюрьму пойду! Вот сволочь! Еще я тебе талон покупал!

С этими словами он кинулся на Лапу. Тот выставил перед собой кулачище, бригадир наткнулся на него и отлетел назад. Он упал, но тут же вскочил, ухватил монтировку и бросился на обидчика. Лапа шагнул вперёд, ухватил Хорька за горло, сжав огромные ладони. А Хорёк всё долбил и долбил его по каске монтировкой. Пальцы Лапы сжимались, лицо бригадира синело.

Враз оба дерущихся потеряли пол под ногами – это дед Никола уцепил их за ворота и швырнул в разные стороны.

– Одного человека покалечили, теперь друг друга? Замереть обоим!

Деда послушали. Они так и сидели, куда упали, когда зашёл Мастер с фельдшером «скорой помощи».

– Под суд пойдёшь! – гаркнул он на бригадира.

– Меня судит только партия!

– На партбюро и пойдёшь! Производственный травматизм, да видано ли?!

– Хотел как лучше, понадеялся на некоторых, – пробурчал бригадир. – Лапа предложил выпустить конденсат, – уже прошептал он.

– Я-те понадеюсь! Покалечил человека! Будешь до гроба ему платить! Надо же, взял из здорового мужика инвалида сделал!

– Хватит тебе, Мастер, – сказал улыбающийся Тихоня, узнав от фельдшера, что ему не отрежут руки. – Хоть этот год на Восьмое марта посуду жене мыть не буду!

Глава 7

– Все свободны!

Люди в белых халатах повыскакивали с последних рядов конференц-зала и исчезли, притворив стеклянную дверь. В зале остались врачи: сотрудники кафедры госпитальной хирургии и ординаторы хирургического отделения.

Главный врач, отпустивший средний медперсонал, оглядел аудиторию. Он посмотрел на пустующее место заведующего кафедрой. Академик месяц назад умер. Подыскать ему замену до сих пор не могли: много желающих, но возможности каждого претендента ограничены.

– Как вы поняли, уважаемые коллеги, сегодня будет разбор случая врачебной ошибки, – главный врач впился глазами в молодых ординаторов и продолжил: – Или вопиющей халатности!

Коллеги молчали.

– Итак, изберём президиум! – главный врач начал организационную часть собрания. Он предлагал – решения принимались единогласно. Никто не тянул руку вверх, как в прежние времена, но каждый говорил: «Да!» Доктора со стажем ограничились кивком головы. Избрали председателя, секретаря. Эксперт был назначен заранее. Рецензентом главврач собрался выступить сам.

– Заслушаем доклад врача-ординатора хирургического

отделения, Лазарева Георгия Тимуровича! Георгий Тимурович, пожалуйста!

Георгий Тимурович вышел к столу, положил перед собой историю болезни пациента и вкратце доложил. Случай внезапный, операция экстренная – больно́й наблюдался хирургом несколько минут.

Посыпались вопросы.

– Георгий Тимурович! А скажите, пожалуйста, почему Вы взяли больно́го на операционный стол?

– Этого требовало состояние пациента. Налицо развёрнутая картина острого аппендицита.

– Это понятно из вашего доклада. Не будем разбирать клинику – мы не студенты! Скажите, почему Вы решили оперировать самостоятельно?

– Того требовало состояние больно́го.

– В четыре часа ночи?

– Да. В четыре часа ночи. Пациент поступил по «скорой» в тяжёлом состоянии.

– Уважаемый Георгий Тимурович! Слово «состояние» мы слышим несколько раз подряд! Скажите нам внятно, вы знали о предстоящей сложности операции?

Георгий Тимурович замешкался. Только что он рассказал всё. Теперь же несколько человек ему задают один и тот же вопрос!

– Знать это было невозможно до операции, – сказал он и покраснел. Удивительно, неужели коллеги этого не пони-

мают?

– Хорошо. Этот пункт мы выяснили. Теперь следующий: ещё раз, пожалуйста, подробнее о ходе операции!

– Поперечным разрезом вскрыта толстая кишка, – начал говорить Лазарев, но его перебили.

– С самого начала, с самого начала!

– Как вас в институте учили? Ах да! Это так давно было!

– Мы уже доктора со стажем, нам уже не двадцать лет, а полных тридцать, мы плюём на старших коллег!

– Больной уложен на операционный стол, – начал Лазарев по порядку, как велено. Опять прервали.

– Не стройте из себя шута! Не нужно нам рассказывать, как вы обрабатывали руки перед оперативным вмешательством!

Георгий Тимурович растерялся и замолчал. Он осмотрел зал. Слева сидят сотрудники кафедры, справа – врачи больницы. За их спинами расположилось несколько «молодых специалистов». Они сидели, опустив головы, изучая спинки передних кресел. Лазарев проработал тут восемь лет, неоднократно выходил на эшафот, но никак не мог привыкнуть к этому. Всё время кричат одни и те же люди. Давно пора научиться отвечать, как они желают, но не выходит!

– Аппендикс больного располагался необычно, – сказал Лазарев.

– Наконец-то, одно здоровое предложение! А знали вы, что такое расположение возможно?

– Нет, – честно ответил Лазарев. Сколько он перечитал учебно-методической и клинической литературы – такого не встречал.

– Тогда, почему вы самостоятельно взяли больного на операцию?

– Из-за тяжести его состояния.

– Хоть кол ему на голове теши! – разошлась секретарша собрания. Георгий Тимурович посмотрел на главного врача: неужели не остановит? Не остановил.

– Все вопросы, как об стенку горох! Отвечайте же!

– Аппендикс больного оказался приросшим к толстой кишке. Приросшим по всей длине. Удалить его без участка толстой кишки было невозможно, – сказал Лазарев. Он понял: надо повторить доклад по истории болезни, не заглядывая в записи.

– Так почему же вы не вызвали специалиста?!

Лазарев подавил вздох и продолжил монотонным голосом:

– Слепой червеобразный отросток отходит от кишечного тракта в месте соединения толстой и тонкой кишок. В данном случае, он был приросшим к толстой кишке. Убрать его можно было только с участком здоровой кишки. После этого пришлось бы сшить конец в конец две кишечные трубки, отличающиеся диаметром в полтора раза. Возможно ли?

– Вам – ничего не возможно! – взорвалась седая дама в позолоченном пенсне. – Это очень сложная операция – не для

зелёных юнцов!

– Поэтому мною было принято решение: не удалять здоровый орган, а вскрыть червеобразный отросток, освободив его от гноя. Выпустить гной в брюшную полость нельзя! Это привело бы к грозному осложнению, из-за которого люди погибают. Я поступил иначе. С противоположной стороны приросшего аппендикса сделал небольшой разрез толстой кишки, через него рассёк изнутри червеобразный отросток, освободив его от гноя. После этого, ушил толстый кишечник.

– Вы считаете это правильным?

– Да, – ответил Лазарев.

– Вы теперь, герой! Не убрали здоровый кишечник, излечили аппендицит необыкновенным способом, не сделав больного инвалидом!

Если бы не тон со зловещим присвистыванием, Георгий Тимурович был бы рад похвале. Но он не потупился, опустив веки, наоборот, приподнял подбородок.

– Известно ли вам, дорогой Георгий Тимурович, что на такую операцию вы не имели права?

– Да.

– Так почему вы не вызвали старших коллег?!

– Потому что, держать больного под наркозом, два-три часа, не имело никакого смысла! К тому же, из-за пустякового аппендицита я не собирался давать общий глубокий наркоз! – поднялся анестезиолог. Похоже, ему надоело слушать.

Зал молчал.

– Я работаю с Георгием Тимуровичем не один и не пять лет, и ни разу не замечал за ним ошибок! – заявил врач-реаниматолог.

– Уважаемый Николай Иванович, никто не подвергает сомнению вашу квалификацию! – сказал главный врач. – Мы сейчас разбираем случай безнаказанной вседозволенности молодых специалистов!

– Больной умер? – громко спросил анестезиолог.

– Ещё не хватало! – замахала ладошками секретарша собрания.

– Аппендицит излечен? – не унимался Николай Иванович.

– Что вы заладили? Дело не в том, хорошо ли плохо сделана операция!

– Тогда в чём?

– В том, что на такие сложные случаи всегда надо вызывать старшего товарища!

Врач реанимации сел на место. Понял, что ничего изменить нельзя. Понял это и Лазарев.

– Вопросов больше нет? – спросил главный врач. Тишина.

– Заслушаем мнение эксперта!

Эксперт, зам. главного врача по лечебной работе, в течение четверти часа рассказывал о строении кишечника человека, о функциях, которые он выполняет, об истории чревосечения и многом другом, подходящем данному случаю.

– Воспалённый аппендикс надо удалять! – закончил речь

эксперт.

– Вместе со здоровым участком кишечника и затем сшивать несопоставимые трубки, чтобы в этом месте образовался рубец, спровоцировавший кишечную непроходимость? – разозлился Георгий Тимурович.

Анестезиолог зааплодировал.

– Вас не спрашивают! Вы, Георгий Тимурович, сказали своё слово! – прокричал главный врач. – Теперь я скажу, как рецензент!

Николай Иванович скрестил руки на груди.

– Согласно научным данным, с глубокой древности по наши дни, воспалённый аппендикс подлежит удалению! Вы этого не сделали! Не смогли бы! Что-то я слышал о технической трудности операции, не ослышался?

Лазарев промолчал.

– Это сложно для молодого специалиста, да! Но вам, Георгий Тимурович, вменяется в прямую обязанность: вызывать старшего коллегу! Кто бы отказал? – Главный осмотрел зал. Люди в белых халатах закивали головами.

– Никто бы не отказал! Вы работаете уже предостаточно, чтобы уяснить это! Что ж, перейдём к предложениям! – главный достал из папки листочек и зачитал: – Предлагаю: «Врача-хирурга Лазарева, в целях повышения диагностической квалификации, направить в поликлинику для работы на приёме, сроком на три месяца!» Никаких наказаний я не желаю. Знаете, не одобряю таких методов. Поможем человеку разо-

браться в диагностике! Уверен, вернётся Георгий Тимурович более знающим специалистом, выросшим в профессиональном росте!

Решение поддержали.

– Николай Иванович, это начало конца? – спросил у анестезиолога Лазарев, выйдя из конференц-зала больницы.

– Не вешай нос, Георгий! – анестезиолог похлопал коллегу по плечу. – За три месяца всё забудется! К тому же, тебя вернут раньше! Главное, не дёргайся! Первым делом, разузнай, есть ли телефон на столе!

– Зачем?

– Чтобы «расти в профессиональном росте»! – передразнил главврача Николай Иванович. – Знай наперёд, разрезал фурункул – второй рукой набирай «ноль три»!

– Буду расти, – пообещал Лазарев.

– Звони! Не пройдёт и отчётного месяца, как вернёшься! – сказал анестезиолог на прощание.

Георгию почему-то показалось, что Николай Иванович сам не верит своим пророчествам.

Лазарев вышел во двор, в мартовскую слякоть. Солнца не было, влажный ветер освежил разгорячённое лицо. Ничего! В поликлинике он ещё никогда не работал. Подумаешь, одну весну не придётся стоять за спинами корифеев? Да и на работу в поликлинику из дому ближе. Что не случается – всё к лучшему!

Глава 8

Кто не любит каникулы? Никуда ходить не надо: делай, что хочешь! Гуляй по улице хоть целый день или телик смотри с самого утра! До прихода родителей – полная свобода! Можно, например, дома устроить войнушку, засыпав всю комнату солдатиками!

Всё же в школе лучше, чем в садике. Там никаких каникул: каждый день с утра, как на работу! Домой отпускают только в старшей группе и то, под расписку родителей, не раньше пяти! А что делать дома после пяти, когда родители пришли с работы? Егор никак не понимал нытиков со двора, которые не хотели идти в первый класс. Сам он даже заплакал, когда тётенька сказала, что Егор мал для школы. Ему только шесть! Тётенька пришла к ним домой, переписывая дошколят, но Егор не подходил ей. Вдруг, мама сказала, что он «зимний». И тогда тётенька записала Егора в первоклашки. Он очень хотел сказать: «Спасибо», но постеснялся. От тётеньки очень вкусно пахло духами и кудри у неё были крупные-крупные, больше чем у мамы, а глаза добрые.

Когда она ушла, мама задумалась.

– Ты не хочешь в школу, мама? – спросил Егор.

– Очень хочу, очень! – улыбнулась мама.

– Тогда почему ты молчишь?

– Думаю, где тебе купить школьную форму.

– В Москве! – подсказал Егор.

– Правда! Купим в Москве! – согласилась мама.

С того дня жизнь пошла совсем другая. Всей семьёй съездили в Москву на электричке, купили костюм с погонами и блестящими белыми пуговицами, чёрный ранец и новые, пахнущие вкусной краской книжки. А самое главное, приобрели здоровские кирзовые сапоги: чёрные-пречёрные, как у настоящего солдата!

И пускай теперь в детсад малышня сопливая ходит, а у Егора каникулы, вот!

В один из августовских дней на улице лил дождь, как из ведра. Никто не вышел гулять во двор. В подъезде мяукала промокшая кошка. Егор постоял у выхода и вернулся домой. Кошку эту он хорошо знал. Муська живёт в подвале и любит колбасу. Домой её брать нельзя, а колбасы у Егора не было, он погладил кошку и намочил руку. Обтёр ладонь о штаны и вздохнул. Какая глупая Муська! Шла бы к себе в подвал и спала. Все кошки постоянно спят, а она мяукает в пустом подъезде! Дура!

Дома скучно. По телику какой-то балет. Отец говорит, что это дармоеды. Они не хотят работать, поэтому прыгают в белом трико. Егор понял, они не могут работать! Трико сразу станет грязным, и все скажут: " Вот, свиньи!" Поэтому они прыгают. Смотреть на них, тоска смертельная! Егор выключил телевизор. На кухне бормотало радио, но оно нико-

гда не мешало. Егор высыпал из посылочного ящика солдатиков, расставил их по полу. Он быстро убил всех немцев и опять заскучал.

Егор открыл шкаф. Надеялся увидеть что-нибудь интересенькое, но там одни газеты. Много газет! Он вытянул половину кипы на пол. Вначале делал корабли, а потом самолёты. Но самолёты не летали, взбросишь его, он вверх, и камнем вниз! Плохие самолёты из газет, Егор посмотрел на рисунки. Почти в каждой газете сидел Брежнев с медалями и орденами. Егор удивился. Сам Брежнев в чёрном костюме, а весь в медалях! У Аркашки дед воевал, так он надевает медали только на гимнастёрку. На простой пиджак не положено! Почему же Брежнев их надел? Егор догадался. У Брежнева нет гимнастёрки, он её потерял, когда от немцев драпал! Зато первый прибежал, когда медали раздавали! Так говорит Аркашкин дед, когда его спрашивают: «Почему у тебя всего две медали?»

Егор разозлился. Он вынул пасту из ручки, из катушки ниток и маминой резинки для волос сделал лук-арбалет. Этому его научили пацаны со двора. Здоровски бьёт, между прочим! Паста втыкается в газетку и торчит, как стрела!

Только со стулом не повезло – много деревяшек в спинке. Как в них попадёшь, так отскакивает стрела! Егор повесил газету на сиденье, после первого выстрела она упала на пол вслед за пастой от ручки.

Тогда Егор решил расстреливать весь боезапас, потом

сдвигать газетку и опять расстреливать.

Спустя несколько минут портрет был изрешечен. Тогда Егор повесил другой, чуть поменьше. Теперь он подолгу целился, стараясь не мазать.

И попал-то прямо в звезду! Егор бросил арбалет, подбежал к газете, снял её на пол, сбегал в спальню, взял мамин клей и заклеил медаль. После чего вновь вывесил портрет и стал расстреливать его.

Хлопнула дверь в квартиру. Егор увлёкся и не оглянулся. А что? Дома прибрано, он не свинячит. Достреляет и уберёт газеты на место.

Егор прицеливался, стараясь попасть Брежневу в лоб. Чувствовал, попадёт!

И попало! Только не по портрету, а Егорке. Пальцы его соскользнули и пустили стрелу неизвестно куда, но Егору было не до этого. Отец врезал ему ремнём по заднице. Здорово врезал! Слёзы брызнули из глаз. А он ещё раз врезал! Егор обернулся.

Отец замахнулся сложенным вдвое ремнём и отбросил его прочь.

– Ты в тюрьму захотел? – крикнул он.

– Нет! – испугался Егор.

– Ты знаешь, кто это?

– Брежнев, кто ещё-то? – удивился Егор и за это получил ещё раз, ладошкой.

– Понял? – строго спросил отец.

– Понял! – крикнул Егор.

– Что ты понял? Что ты понял? – злился отец. – Говори, не реви!

– Что нельзя-а стрелять в Брежнева-а!

– Не вопи, как баба! Садись! – Андрей взял сына на колени. – Вытри сопли и слушай!

Егор замолчал, но проклятые сопли текли и текли, он шмыгал носом.

– В Брежнева стрелять нельзя! И нельзя рисовать на его портрете!

– Почему тогда он валяется в туалете?

– В туалете валяется не Брежнев, а просто газета!

– Я видел, там Брежнев!

– Да, ты видел. И я видел, – Андрей замешкался ненадолго. – Но это не значит, что в него можно стрелять и портить газету! В туалете, между прочим, Брежнев целый валяется! Никто в него не стрелял.

– А почему нельзя в него стрелять? – не понял Егор и рассказал о том, как Брежневу достались медали.

– Это ты зря! – убеждённо сказал отец. – Ему давали медали уже в мирное время.

– За что?

– За что воевал и погиб твой дедушка?

– Чтобы был мир.

– Правильно! А Брежнев столько сделал, чтобы был мир! За это ему дали медали. Если бы не Брежнев, давно была бы

война, и погибло бы много людей. Поэтому ему дают медали.

– Он боится войны?

– Мы все хотим мира, но войны никто не боится! Вот ты, хотел бы завтра вместо школы пойти на завод работать с утра до ночи? Играть было бы некогда! А конфет в войну совсем не бывает, дают маленький кусок чёрного хлеба, и всё!

– А солдатам?

– Солдатам дают по два куска. Но тебя в солдаты не возьмут!

– А если я вырасту?

– Всё равно не возьмут, потому что ты стрелял в Брежнева!

– А ты расскажешь? – испугался Егор.

– Я не расскажу, но если ты ещё раз что-нибудь такое сделаешь, меня заберут органы госбезопасности!

– Посадят в тюрьму? Насовсем?!

– Зачем пугаешь ребёнка? – спросила мама. Никто не услышал, как она вошла.

Андрей подмигнул сыну. Егор в ответ моргнул обоими глазами, неправильно, но отец понял.

– Так, болтаем чепуху! – весело сказал Андрей. – Рассказываю историю про одного бродягу!

Он ушёл в коридор к маме, а Егор убрал газеты, надёжно спрятав изрешечённые портреты Брежнева. Теперь никто и никогда не узнает!

Вечер в семье Нерословых прошёл как обычно. Ни один

мужчина так и не выдал страшную тайну, а мама ничего не подозревала.

Когда Егор лёг, он долго не мог заснуть. Всё ему казалось, что какие-то дядьки из «госспецизбо» – так он запомнил слова отца – придут и заберут его родителей в тюрьму, насовсем.

Конечно же, никто не пришёл, но родители почему-то поднялись и тихонько прошли мимо его кровати на кухню.

Они включили ночник и начали вполголоса переговариваться. Егор прислушался.

– Зачем ты перепугал ребёнка? Ему надо знать в таком возрасте о госбезопасности?

– Надо, Марина, надо. Иначе поздно будет. Незачем Егору болтать на улице о том, что говорим дома.

– А что мы такого говорим?

– Хоть бы и то, что ты постоянно повторяешь: «Пропади пропадом твоя партия, только деньги за взносы уходят!»

– За это что-нибудь будет?

– Будет! И ещё как! Сегодня было закрытое партсоборание, не морщись ты так! Там объявили об особой бдительности. Вот оно как!

– Эт-то почему? – прошептала Марина.

– В Чехословакии антиреволюционный мятеж! Там убивают коммунистов на улицах!

– Да ты что? – руки Марины опустились. Она всхлипнула. – Это война?

– Не волнуйся так! – Андрей обнял жену. – Танки из ГДР разогнали врагов. Всё уже нормально, но только ни звука! Нигде!

– Поняла-поняла. А у нас такого не будет? Или тебе уйти из партии, пока не поздно?

– Опять ты за свою пластинку!

– Тихо, Егор проснётся!

– Из партии не уходят, – Андрей понизил голос. – Оттуда только выгоняют! А тех, кого выгнали, уже нигде не находят, поняла?

– Да какие ты страхи говоришь-то?

– Ты знаешь, где сейчас Хрущёв? Я, посещая закрытые партсобрания, не знаю! Да и он сам, наверное, не знает. Упрячут так, что не захочешь. Если сказали, быть бдительными – так надо быть бдительными!

– Всё-таки, война?

– Да не будет никакой войны!

– А Вьетнам?

– И там победим в скором времени! В Чехословакии, вот, вовремя взялись, теперь порядок! Так и во Вьетнаме будет, как было на Кубе в своё время.

– А что ты сказал Егору?

Егор насторожился. До этого вопроса он не понимал смысла разговора взрослых. Предаст его отец или нет?

– Я ему сказал, что в школе он станет октябрёнком.

– А при чём тут госбезопасность?

– Это к слову пришлось. Разболтались о том, что если вдруг он убежит из школы, вот я и сказал.

Молодец, отец! Егор никогда не называл отца папой. Потому что он был настоящим мужиком, а не размазнёй! И ведь не разболтал маме! Здоровско! Егору очень хотелось узнать, кто такой октябрёнок, но выдавать себя нельзя. Егор прокрался к постели, лёг и быстро заснул.

Глава 9

Георгий не знал, почему люди любят весну и так много об этом говорят. Но он догадывался, что каждый взрослый учился в школе и ждал каникул. На все лето!

Собрание назначили на середину апреля. Вначале выступал директор школы. Он долго говорил об образовании, о победе партии, о чём-то ещё. В основном непонятно. В заключение он сказал, что в их школе есть такие ученики, которыми гордится вся страна! Директор предложил поприветствовать отличников аплодисментами.

Стоящий за кулисами Георгий захлопал в ладоши. Ребята из классов постарше засмеялись.

– Иди туда! – сказал ему десятиклассник.

– Куда?

– На сцену!

– Я не знаю, что говорить! – Георгий перепугался. Он не мог вспомнить ни одного стиха, что говорить?

К счастью, на помощь поспела учительница, Елена Григорьевна. Она навела порядок. Все взялись за руки попарно и вышли на сцену. В школьных костюмах и в белых фартуках, с широкой кумачовой лентой через плечо. На ней золотыми буквами написано «Отличник учёбы».

В зале на первой ряду сидели взрослые тётеньки и серьёзные дяденьки. Они хлопали в ладоши и улыбались. Это были

чужие люди, никого из них Георгий в школе не видел. Одна тётенька в строгом пиджаке и чёрном галстуке на белой блузке поднялась на сцену и стала называть фамилии, начиная с первого класса.

Лазарев был третьим. Георгий подошёл к тётеньке. Вблизи она оказалась доброй и ласковой. Она почему-то поцеловала Георгия в щёку и вручила ему подарок. Георгий смутился. Взяв в обе руки блестящую обёртку с чем-то тяжёленьким внутри, он не смог вытереть щёку. Так вот повезло: никого она не целовала, а ему досталось стоять, как дураку с помадой на лице!

Но никто не смеялся над ним. Все были радостные и возбуждённые. Когда раздали подарки, ребят пригласили в столовую на чай с огромный торт. Первоклашек усадили за отдельный стол. Им пообещали ещё чаю с шоколадными конфетами.

Торт быстро кончился, каждому отличнику досталось по маленькому кусочку. Георгий подождал-подождал, да и достал из кармана яичко, которое дала бабушка. Он, не спеша, деловито, очистил скорлупу, разрезал яичко пополам и поделился с другом Славкой.

– Георгий, это ты принёс? – раздался из-за спины испуганный голос Елены Григорьевны.

– Вот, молодец! – сказала повариха, румяная бабушка Клава. Елена Григорьевна шикнула на неё и быстренько собрала крашенные скорлупки в кучку, сжала их в сухоньком

кулаке и сунула Георгию в карман пиджака.

– Это очень хорошо, Георгий, что дома у тебя красят яички, но пусть это будет дома. Сейчас спрячь скорлупки и выбрось их подальше от школы. А лучше, отнеси к себе домой!

Баба Клава испугалась и отвернулась. Елена Григорьевна огляделась. Похоже, никто не заметил.

– Георгий, пожалуйста, больше не пугай нас! – попросила учительница ничего не понимающего первоклассника. – Видел, как тебя любит Оюшминальда Яковлевна?

– Елена Григорьевна, это которая подарки раздавала, да?

– Да, это она. Она главная на этом празднике.

– Она же со мной христосовалась! – сказал Георгий, выговаривая последнее слово сквозь прижатую к губам ладонь Елены Григорьевны.

– Т-с! Больше не говори так! Так можно говорить только дома. Я сегодня приду к вам с бабушкой!

Принесли конфеты. Георгий смотрел на учительницу и боялся за неё. Вдруг, Елене Григорьевне попадет за него от этой любовной тётеньки Матильды в мужском костюме? Он больше не произнёс ни слова.

А дома всё рассказал бабушке.

Она не испугалась и не удивилась, но обозвала себя старой дурой.

Что это за торжественный день, если от него одни неприятности? Какое тут поздравление, если все ругаются?

– Бабушка! Почему ты ругаешься?

– Я не ругаюсь, Георг! – так бабушка называла его. – Я говорю себе, как я могла забыть?

– А что ты забыла, бабушка?

– Забыла, забыла, – бабушка прикусила кончик платка и ничего больше не сказала.

– Только ты не плачь, бабушка! Эта Матильда любит меня, она никого больше не целовала!

Бабушка рассмеялась.

– И смех, и грех с тобой!

Заметив, что бабушка больше не собирается плакать, Георгий повеселел.

– Георг, ты только никогда больше не называй эту тётеньку Матильдой! Её зовут Оюшминальда! Не можешь запомнить, так не перевирай!

– А почему Елена Григорьевна испугалась скорлупок? Ведь они не отравлены!

– Они не красят яички на Пасху!

– Надо их научить!

– Не надо их учить! – голос бабушки стал строгим. – Ты бы хотел разгуливать голым по улицам?

– Как? Ты что, бабушка! Ха-ха-ха! – Георгий схватился за живот.

– Не хотел бы! Поэтому нельзя секреты рассказывать людям.

– Никаким?

– Никаким! Все будут смеяться над тобой, как над голым!

Они же ничего не рассказывают?

– Да! – согласился Георгий. Хотя он и не спрашивал, зачем ему чужие секреты? Об этом он сказал бабушке.

– Вот видишь? Им тоже не нужны такие секреты. Не нужно ничего показывать и рассказывать! И вообще, пора стать взрослым мальчиком!

– Это как? Ха-ха-ха! – опять расхохотался Георгий. Он представил себя с густой седой бородой!

Бабушка хотела что-то сказать, но звонок в дверь заставил её пройти в коридор.

Пришла Елена Григорьевна. Она не обманула. Они, в самом деле пили чай и ели крашеные яички с пасхальным куличом.

Учительница была немногим младше бабушки. Они что-то долго говорили между собой, отправив Георгия в его комнату. Он понял. У них тоже есть свои секреты. Интересно, какие?

Он прокрался на цыпочках к двери в кухню, прислушался. Непонятные слова, вроде «клерикальная концепция» и «религиозный ракурс» сбили его с толка. Георгий удивился, как это бабушка может так говорить? Ведь она русская! Георгий не стал слушать, поняв, что это взрослые слова. Секреты, тем более непонятные, никому не нужны!

Когда Елена Григорьевна ушла, бабушка сказала:

– Георг! Никогда в школе не говори: «Постное масло», – а говори: «Растительное!» И вообще, прежде чем что-то ска-

зять там, спроси у меня, надо ли так говорить?

К её удивлению, Георгий всё понял. Есть взрослые слова, есть детские, есть слова пацанов и есть – хулиганов. Все эти слова надо говорить только тогда, когда остальные их говорят. И никогда больше.

Бабушка очень обрадовалась.

– Ты умён, как папа! – сказала она Георгию.

А потом они достали истрёпанную карту мира и долго смотрели на разные материки. Где сейчас работают родители Георгия?

Много на свете стран, а СССР – самая лучшая! Так говорят, мама с папой, – когда возвращаются на Родину. Они обязательно приедут на всё лето. Вот ещё почему Георгий полюбил весну!

Глава 10

На удивление всем, руки Тихони зажили через три недели. Как ни в чём ни бывало он пришёл на работу.

– И чё, Тихоня, посуду-то мыл на Восьмое марта? – спросил его Лапа.

– А как же! – Тихоня улыбнулся. – В ванну воды наплескал, да ногой побулькал!

– Ха-ха-ха! – дружно рассмеялись работяги.

– Чего веселимся? Поддали? – спросил вошедший мастер.

– А ты нам налил? – спросил в ответ дед Никола, вызвав ещё больший взрыв хохота.

– Всё веселитесь? – без злобы спросил Мастер. Он сам был рад возвращению пострадавшего.

А пострадавший занял своё место у выхода, усевшись на разбитый стул. За время его отсутствия произошло много событий. Тихоня об этом не знал. Другой бы спрашивал, приставал, но только не Тихоня! Бывают же такие люди, подумал Егор. Своими руками отвёл смерть от Хорька, а сидит, хоть бы хны!

Он спас лицо бригадиру, но не спас его репутацию. Конечно же, Хорёк в тот день опоздал на примирение к тёще: пришлось доделывать работу и писать объяснительную о несчастном случае. Но это было меньшим злом, в сравнении с заседанием партбюро. Через неделю оно состоялось

и приняло решения. Мало того, что Хорька выгнали из партии, ещё и сняли с должности. Теперь он кое-как перебивался вахтёром у входа на ТЭЦ, радуясь, что не загремел на лесоповал в «солнечном Магадане». Мастер схлопотал строгий выговор с занесением. Лапу лишили премиальных, вместе с ним и Нерослова Егора, чтобы неповадно было. Деда Николаю почему-то пожалели.

– Пенсионер тут ни при чём! – сказал парторг, отгородив старика от наказания.

Что ж, пришлось деду Николе всем ставить за то, что счастливо отделался! Мастер об этом пронюхал каким-то образом, на то он и Мастер. Пронюхать-то пронюхал, а сам ставить не разбежался! Дед Никола ухмыльнулся.

– Сегодня без авралов! – объявил Мастер.

– Оно и лучше, – пробурчал Лапа.

– Что лучше?

– Без авралов-то.

– И чтобы ни одного пьяным я не видел!

– Не увидишь, не беспокойся! – заверил дед Никола, заваривая чай.

Так оно и случилось. Но пьянка всё же состоялась. В кафе по дороге в город. Как водится, первое угощение за должником, потом ото всех понемногу.

Слово за слово, разговор зашёл о причине застолья. Тихоня разговорился. Оказывается, Егор оказал лучшую медицинскую помощь. Если бы не он, остаться Тихоне без рук.

Даже врач так сказал.

– Тебе бы, Егор, в медицину! – предложил Тихоня.

– Да куда там! – махнул рукой Егор. – Лучше скажи, какой ногой посуду мыл?

Разговор ушёл в другую сторону. По мере выпитого, он становился всё бессвязнее. Все позабыли о предложении Тихони. Но не забыл дед Никола. Возвращаясь домой, он спросил у Егора:

– А что тебе этот шаман сказал?

– Какой шаман?

– К которому ты в Москве ходил! – дед Никола заглянул в глаза Егору.

– Да какая разница! – отмахнулся Егор.

– Большая! Зайдём ко мне?

– Выпить?

– Кофе!

– Тогда, лучше ко мне!

Решив, что это без разницы – оба жили в одном подъезде – зашли к Егору. Он один в квартире, жена с детьми уехала в гости к теще. А у деда вечный базар-вокзал: то дочери, то внучки, то сватовья с зятьями.

Они заварили крутой кофе и присели за стол.

– Так что сказал шаман?

– Опять ты за своё? – возмутился Егор. Неужели непонятно, не хочет человек отвечать?! Но дед не сдавался.

– Как он, вообще, принимает?

– Хочешь сходить?

– А хыть бы и хочу!

– Так и принимает. Заходишь, отвечаешь на вопросы анкеты, отдаёшь деньги, получаешь квитанцию.

– Эту муть мне не надо! Скажи, как он работает? С бубном вокруг тебя бегают?

– Ха-ха! С каким бубном? У него в квартире стоит маленький шатёр из толстой кошмы. Заходишь с порога сразу в него и видишь перед собой шар. Прозрачный, склеенный из пятиугольников. А внутри шара...

– Голова дракона! – подсказал дед Никола.

– Будешь смеяться, ничего не расскажу!

– Ладно! Что там внутри?

– Там жидкость, типа чернил. Клякса расплывается-расплывается, а потом образуется рисунок.

– Что за рисунок?

– Шаман сказал, что это фонендоскоп!

– Недаром Тихоня тебя хвалил! – сказал дед Никола. – Медицина, вот что тебе нужно!

– Муть это всё! – тряхнул головой Егор.

– Если это тебе дано, так иди туда!

– Легко сказать! Попробуй в тридцать лет с двумя детьми прожить студентом! А поступать как, откуда денег взять?

– Ты же не испугался обожжённых рук Тихони! – сказал дед Никола. – Я так, смотреть на них не мог! И крови не боишься?

– Не боюсь.

– Тогда нечего думать! Некоторые бесплатно поступают, я знаю.

– Только не троечники, как я!

– Ерунда! Башка у тебя варит, выкрутишься. Устроишься сантехником, учиться и работать будешь! Не всю жизнь кувалдой махать.

Егора как током ударило. Он вспомнил, как со стыдом наблюдал за работой деда.

– Если хочешь знать, кувалдой махать вовсе не надо было! – вспыхнул Егор. – Если бы Лапа не выпустил кислород перед обедом, а открыл клапаны турбины – весь пар за время обеда улетучился!

– Ать, верно! Ты знал? – дед Никола привстал со стула.

– Умная мысль всегда приходит опосля!

– А почему никому она не пришла до сих пор? – спросил себя дед Никола, глядя под ноги.

Егор промолчал. Дед размышлял вслух.

– Сколько опыту, а зря! – сокрушался он. – Хорёк послал Лапу, не сказав, какой из кранов надо открыть! Сам этого не знал. Когда-то было что-то похожее, он и запомнил. Вот тебе и опыт! Без башки никакой опыт не сработает, – сказал дед Никола и заключил: – Иди в медицину! Там опытные, а ты башковитый!

– Шесть лет с малыми детьми за одной партой! – возмущался Егор.

– Ерунда! Всё пройдёт быстро и незаметно. Ещё мне бюллетень с похмелюги выпишешь, по благу!

Егор посмотрел на деда. Он что, серьёзно? Собрался работать ещё шесть лет?

– Не смотри ты так! Я ещё крепкий мужик! Пропашу десяток лет, не жмурясь!

– И не пойдёшь к шаману?

– А что мне в том мячике? На гроб смотреть? Меня в него задаром уложат!

– Надо готовиться, книжки всякие читать.

– Какие книжки? Ты это брось! Если тебе судьба в медицине, иди и ничего не бойся!

– Чтобы дурачком выглядеть?

– Ну, ладно, почитай что-нибудь для форсу, – разрешил дед Никола. – Но от судьбы не уйдёшь!

– Да не судьба это! Это только один из её вариантов «по звёздам»!

– Я-те в лес, ты по дрова! Иди, да и всё! А лучше, посмотри у себя в холодильнике, что-то кофе подостыл, поколачивает меня!

Егор намёк понял, достал початую бутылку водки.

– Вот, холодненькая для сугреву!

Они согрелись. Немного поболтали о том, о сём, дед Никола собрался уходить.

– Когда экзамены? – спросил он у порога.

– Летом, наверное, – пожал плечами Егор.

– Вот и съезди в отпуск, поступи! А потом уже уволишься. Тогда полные отпускные получишь, а то дадут компенсацию – курам на смех!

Дед Никола ушёл. Егор присел на диван. Может, стоит рискнуть?

Если в медицине его предназначение, то удача где-то рядом. Дед-то прав, во время отпуска можно рискнуть!

Приняв решение, он тотчас уснул.

Поутру в тяжёлой голове крутилось: «Не надо идти наперекор судьбе, не надо»! Через неделю Егор был уверен, что поступит в медицинскую академию. Он купил учебник общей биологии для поступающих в ВУЗы.

– Что за книжка в туалете валяется? – спросила жена.

– Так, ерунда! – сказал Егор. Сообщать о глупых планах не хотелось. – Можешь выбросить!

– В чём дело, Егор? – жена нахмурила брови.

– Маня! Не делай серьёзного лица! Это просто книжка!

– Это не просто книжка! Это учебник! – Марья села в кресло и расплакалась.

Егор стоял напротив жены и не знал, что делать. Утешать, просить прощения – за что? Он вышел из комнаты.

– Пошёл вещи собирать? Я сама уйду! И детей заберу!

– Какие вещи, что ты говоришь? Куда ты уйдёшь, к кому? – Егор вернулся в комнату.

– К маме уеду!

– Вот оно как! К маме? Вот почему ты как приехала от ма-

мы, так ходишь молчаливая! Решили, значит, всё без меня!

– Не кричи, ты не на сцене! Небось, только и ждал предлога!

– Это я-то ждал? – Егор опешил. Тёща там напела, чего зря, а оказывается, всё это он придумал!

– Да! Да! Да! – сквозь всхлипывания выкрикивала жена.

– Какая чепуха! Что ты хочешь? – разозлился Егор. В этот миг жена казалась ему совершенно чужой. С первого дня их брака она «разрывалась» между мамой и супругом. Выбрала маму наконец, что ещё?

– Хочешь развода? – спросил Егор.

– Это я-то хочу?! – взорвалась Мария. – Это ты, Егорушка, задумал разойтись! О детях ты подумал?

– Бросишься на меня с кулаками? – спросил Егор.

– Нет! Я ни минуты не останусь в этом доме! – она схватила трубку телефона, позвонила подруге старшей дочери.

– Вера! Люся у тебя? Аннушка тоже? Скажи им, пусть немедленно идут домой!

– Что ты задумала? Скажи мне. Давай спокойно разберёмся. Может, в учебнике всё дело? Так выбросим его!

– Нет! Дело не в учебнике! Ты прекрасно знаешь!

– Хорошо, я знаю. Но и ты знаешь, не скажешь ли?

– Ты долго будешь представляться дурачком?

– Всю жизнь!

– Вот и живи без нас!

Похоже, разговора не получится. Егор надел куртку и вы-

шел из квартиры. Постояв на площадке у дверей, он послушал. Марья имела обыкновение размышлять вслух.

– Учебник завёл он! Вот как оно! Правду мама говорила: «Не пара он тебе»! Съездили в Москву, знаем, чем вы там занимались! Навострился к своей мамзели, так и вали! Я не намерена выглядеть глупой оленихой! – приговаривала Мария, собирая вещи.

Что она городит? Какая мамзель? Тёща напела! Надо зайти и всё разъяснить! Егор сунул ключ в замочную скважину и в этот момент вздрогнул.

– Папа! Ты уходишь от нас? – раздался звонкий голос младшей дочери.

Вот как! Дети уже настроены против него! Егор выдернул ключ и обернулся.

– Кто тебе сказал, Нюра?

– Баба Настя сказала, что у тебя есть в Москве другая мама!

– Она гадала на картах, и всё видела! – добавила старшая дочь.

– Люся! Ты видела?

– Бабушка показала. Это чёрная дама с веером! Она красивая и хитрая! А тебе с ней хорошо, а с мамой плохо.

Девочки держались за руки и во все глаза смотрели на папу. Уходит?

– А мама что сказала?

– Мама сказала, что мы проживём и без этой чёрной да-

мы! А ты всё равно уйдёшь. И если ты не уйдёшь от нас, тебе будет очень плохо! Уходи, папа! – девочки бросились к Егору, обняли его за ноги, разрыдались.

– Никуда я от вас не уйду, никогда!

– Уйди, папа! Ведь это не насовсем! А то тебе будет плохо!

– Не надо гнать папу! – сказала Мария через приоткрытую дверь. – Мы поедем жить к бабушке!

– К бабушке? – дети утёрли слёзы. – К бабушке!

– Пап, а ты к нам приедешь?

– Обязательно приедет! – ответила за папу Мария. – А теперь заходите, нам надо собраться!

– А в школу? – спросила старшая.

– Ты пойдёшь в школу у бабушки! Я уже забрала твои документы!

После этих слов Егор понял, обратного пути нет. Он развернулся и ушёл прочь.

Возвратясь в пустую квартиру, Егор обошёл обе комнаты и не нашёл даже записки. Всё очень серьёзно. Но к теще на поклон он не поедет никогда! Да, баба Настя добилась своего.

Наплевать! Егор вытащил из туалета книжку и начал читать. Внимание рассеивалось. Отвлекали мысли о детях и жене. Они вставали перед глазами, заслоняя строчки учебника, а потом появилась пухлая баба Настя. Егор несколько раз перечитал один абзац и ничего не запомнил.

Тогда он зачитал вслух:

– Корзинка – тип соцветия семейства сложноцветных, – фыркнул. – Какая мура! И это так важно в медицине?!

Он перелистнул несколько страниц и ознакомился с функциями сердца. Оказалось, совсем несложно. Обычный насос с хорошо отлаженным режимом работы. Егор воодушевился, ему по зубам такая наука!

До начала лета он не притронулся к учебнику. Дед Никола ни разу не напомнил о своём совете. Казалось, всё по-прежнему. Но жена-то ушла, забрав детей! И обратного хода жизни не было.

В начале июля Егор взял отпуск и направился в Москву.

– О! Егор-спаситель! – приветствовал его Митрич, не спрашивая о цели приезда.

Егор вынул бутылку водки и за столом рассказал о своих планах.

– Поступай в Первый медицинский, в Академию то есть!

– Сразу в Академию?

– А теперь у нас всё академии, колледжи и университеты!

Кстати, – хрустнул Митрич солёным огурчиком. – Я там кое-кого знаю! Одно время общались, очень тесно общались.

– Баба? – догадался Егор.

– Конечно! Только зря ты так пренебрежительно! Эта баба, если хочешь знать, была моим соавтором!

– Это как?

– Ну-у, не совсем соавтором, – поправился Митрич. – Она, как бы это сказать, решила опубликовать научно-попу-

лярную книгу и обратилась ко мне как к грамотному человеку.

– Она что, с ошибками пишет?

– Да, – кивнул Митрич и опрокинул стакан. – То есть, не совсем.

– Что-то ты темнишь, Митрич!

– Егор! Я? Я никогда не вру!

– Как и все писатели! – поддакнул Егор.

– Да, как и все писатели, ха-ха-ха! – развеселился Митрич. – Дело в том, что она написала скорее научную, чем популярную книжку. Читать такое нормальному человеку нельзя! Ну ты понимаешь, что я имею в виду?

Егор кивнул, хоть ничего не понял.

– Терминология! – Митрич поднял высоко кверху указательный палец. – Что ты поймёшь вот в таком предложении: «Панкреатический секрет содержит ферменты, катализирующие протеолиз, без которого процесс пищеварения становится неэффективным»?

– Без чего-то невозможно насытиться, – предположил Егор.

– Голова! Суть ухватил! А я, кроме «катализирующие», ничего не понял. А вот как это выглядит в моей обработке: «Сок поджелудочной железы содержит вещества, без которых не усваивается мясо, масло и другие белковые продукты питания». Тоже заумно, но, по крайней мере, по-русски.

– Завтра в Приёмную комиссию! – Егор зевнул и просмотрел

рел на обшарпанную кушетку.

– Завтра рано! – заявил Митрич. – Пойдём в ларёк пока!

– Почему рано?

– Через три дня свяжусь со знакомой, тогда и пойдёшь!

Егор не стал спорить. В конце концов, он идёт вслед за судьбой, или как? Они сходили в ларёк.

Следующие два дня Егор пил пиво за компанию. Допился до изжоги, наутро третьего дня отказался. Как ни странно, Митрич, не найдя водки, не просил купить ещё. Он с жадностью попил воды из крана, выплеснув остатки выдохшегося пива в раковину. Потом он зарядил душ, искупался, после чего посвежевший и выбритый упал на матрас у стены. Весь день Митрич пролежал без движения. Егор окликал его, но безуспешно.

Гость несколько раз подходил, смотрел на Митрича – не умер ли – снова ложился на кушетку, глядя в учебник. Знания не усваивались, запоминалось слабо и ненадёжно. Захлопнув книгу, Егор уже не помнил, о чём прочёл только что. Устав мучить больную голову, он прошёл в ванную и вымылся.

К вечеру Митрич сел по-турецки и долго смотрел в потолок. Затем он сказал:

– Может, хоть «сухарика» по капельке?

Егор не стал спорить. Через десять минут Митрич повеселел, принялся строить планы на завтра. Егор смотрел на него и думал о себе. Сегодня он не отказался от «сухарика», пред-

ложенного Митричем, а завтра – выпьет «беленькую» с утра! А не бутылка ли привиделась в мяче астролога?

Утром Митрич приятно удивил. Он не стал пить. Приняв душ, Митрич не завалился спать, а вынул из комода трубку с телефонным диском. Через несколько минут он уже набирал номер. Техника примитивная: Митрич вынул провод в подъезд и подсоединился к телефонному кабелю кого-то из соседей.

– Сабина? Здравствуй! Это Алексей Дмитриевич! Как дела?

– Митрич! Деньги занять? Опять?

– Какие деньги, Сабина?! Спешу сообщить, скоро выйдет очередной тираж твоей книги!

– Это очень хорошо!

– И я говорю! И я говорю! – Митрич энергично закивал. – Вообще-то, я по делу звоню.

– Внимательно слушаю.

– Ты к Приёмной комиссии имеешь касательство?

– Молчи! – выкрикнула Сабина. – Через полчаса, в кафе на твоей улице!

Митрич не успел вставить слово, трубка запищала короткими гудками.

– Вот в этом вся она, Сабина Казимировна! – сообщил Митрич и разобрал нехитрое средство связи. – Идём?

– Если нужно, – Егор пожал плечами.

– Женщина импозантная, надо бы привести себя в поряд-

док для встречи с нею! У тебя хоть галстук есть?

Галстук у Егора был. Светло-зелёный, в белую горошину.

– Немедленно выбрось! И никогда никому его не показывай! – Митрич вырвал галстук из рук Егора. – Клоун, что ли? Под серый костюм такой галстук!

– У меня другого нет. Я его надевал один раз, на свадьбу.

– Надеюсь, не на собственную?

– Угадал, Митрич! На собственную! В магазине сказали, что он самый модный.

– Когда это было?

– Десять лет прошло.

– Может, тогда и модно было выглядеть попугаем, но не для Сабины Казимировны! – продолжая возмущённо ворчать, Митрич вынул из комода галстук стального цвета, изрядно потрёпанный и не совсем чистый. – Пойдёт такой?

– Не знаю, – признался Егор.

– Пойдёт! А я надена голубой – другого нет. Давай, гладь свои шмотки! – Митрич расстелил по полу одеяло и включил утюг в раздолбанную розетку с оголёнными проводами.

– А? – хотел спросить Егор, но Митрич опередил его, подав алюминиевый ковш воды с плавающей в ней марлей.

Через четверть часа они вышли из подъезда. Оба в костюмах и при галстуках. Митрич настоял, чтобы Егор купил букетик у старухи, торгующей во дворе цветами.

– Вручишь сам!

– Сводничаешь? – улыбнулся Егор.

– Знак внимания будет в нашу пользу, – пояснил Митрич. – А вручить букет лучше тебе. Потому что я сам – подарок!

Егор улыбнулся шире.

– Не согласен?

– Ты сказал, так, будто толкнул речь над гробом!

– Что делать? У творческих людей бывают маленькие слабости!

Егор промолчал. Некоторые шутки Митрича были непонятными.

– Я постараюсь устроить тебя в академию, но попрошу об одолжении, – сказал Митрич, усаживаясь за столик летнего кафе. До времени, назначенного Сабиной, оставалось меньше пяти минут.

– Что? – с готовностью спросил Егор.

– С осени пропишись у меня! – без обиняков сказал Митрич.

– Это как? Московская прописка?

– Не делай круглых глаз, Егор! Мне это нужно позарез, для того... – Митрич умолк – к столику подошла официантка.

– Что? – спросила она у Егора.

– Закажет мой друг! – сказал Егор, полагаясь на опыт Митрича. Митрич пожелал три молочных коктейля и одну порцию мороженого с курагой.

Приняв заказ, официантка ушла.

– Для того чтобы, – решил продолжить разговор Митрич, огляделся по сторонам. Добавил вполголоса: – Я живу один, а квартиру сдуру приватизировал.

– Это как?

– В собственности она моей, вот как! Я в личной жилплощади имею право тебя прописать. Всё равно будешь жить в Москве, какая тебе разница?

– Я согласен, но зачем тебе это?

– Потом скажу, смотри! – Митрич повернул голову на дорогу.

Прозвучала пронзительная сирена. Егор развернулся, задел локтем скромный букетик, уронив его на пол. Во все глаза он смотрел на дорогу.

С противоположной стороны движения ярко-зелёная «ауди» повернула к кафе, перегородив дорогу. Машины с обеих сторон наперебой засигналили. Водителя нарушившей правила иномарки не было видно за тонированными стёклами. Из BMW с синей мигалкой на крыше выскочил накаченный парень, держа руку за пазухой кожаной жилетки, он подскочил к «ауди». Зеваки столпились у кромки дороги. Что-то должно было произойти!

Машина-нарушительница не двигалась с места. Двигатель не работал. Качок дёрнул дверцу, впихнул голову внутрь салона «ауди».

К всеобщему разочарованию он не выкинул шофёра на дорогу, не выстрелил и даже не закричал матом. Насколь-

ко секунд его голова побывала внутри салона, затем высунулась наружу, широко улыбаясь. Парень развернулся лицом к своему хозяину, поднял руки кверху и скрестил их, продолжая улыбаться.— BMW отключила сирену. И будто бы только эта сирена мешала «ауди» двигаться, зелёная машина плавно тронулась и переехала хлипкий бордюрик.

Толпа зевак кинулась врассыпную, а иномарка въехала на тротуар и припарковалась напротив столика друзей.

Митрич подскочил. Егор привстал. От машины их отделяло низенькое ограждение, высотой по пояс человека среднего роста. Постояв секунду, Митрич перешагнул заборчик и оказался у дверцы водителя. Он поправил тугой галстук, отворил дверцу, поклонился и подал руку.

Из машины вышла дама в зелёном платье с блёстками. На её голове была повязана такого же цвета косыночка. Женщина опёрлась на локоть Митрича и посмотрела на Егора.

Егор замер. Где же сухонькая седеющая докторша, страдающая начатками маразма? Наверное, старушка послала на встречу свою дочь!

Казалось, женщина смотрит только на него. Егор видел, как улыбаются её глаза, как поднялась её грудь – стало заметно ложбинку в декольте. Женщина подмигнула Егору чёрным оком. Егор провёл ладонью перец лицом, снимая наваждение. Дочь Сабины Казимировны как будто сошла с колоды ярких карт, как жгучая дама треф, предсказанная «любезной» тещей.

– Сабина! – обратился Митрич к даме, обескуражив Егора. – Подать руку или подстраховать тебя сзади?

– Поддержи мне платье, Алексей Дмитриевич! – сказала Сабина Казимировна, намереваясь перешагнуть заборчик.

Митрич подержал подол Сабины Казимировны, и она без труда преодолела загородку летнего кафе, оказавшись лицом к лицу с Егором.

Егор поздоровался, поднял букет с пола. Сообразив, что это будет выглядеть некрасиво, не стал вручать букет, а положил его на свой стул. Незаметно, как ему показалось.

– Присаживайся, Сабина! – пригласил Митрич, с шумом выдвинув из-за соседнего столика пластиковый стул. Сабина присела на краешек. Митрич плюхнулся на своё место.

– Молодой человек так и будет стоять истуканом? – спросила Сабина.

Егор молчал. Как разговаривать с женщиной, написавшей о панкреатическом протеолизе?

Появилась официантка, девчушка в синем фартучке и такой же бейсболке, угловатой походкой, протопала к столику и поставила заказ мороженое перед дамой и по бокалу пенящегося коктейля каждому.

– Что-то ещё? – спросила она, глядя на Сабину Казимировну.

– Пепельницу, пожалуйста!

– Сигарету?

– Спасибо, дорогая, не беспокойся! – улыбнулась Сабина.

Пользуясь тем, что его никто не видит, Егор сдвинул букет и сел на стул.

– Девочка! – крикнула Сабина официантке. – Принеси вазочку с водой!

Официантка кивнула и ушла за стойку.

– Мальчик хочет стать врачом? – спросила Сабина Казимировна, обращаясь к Митричу. При этом она смотрела в глаза Егору.

Егор взгляделся: ничего страшного и жгучего не было в её глазах. Женщина старалась смотреть проницательно, но весёлое настроение растворяло напускную строгость.

– Мальчик должен стать врачом! – услышал Егор собственный голос и удивился. Какие причины грубить незнакомой женщине?

Сабина чмокнула губами и сморгнула. Подправив платье, она уселась удобнее. Подошла официантка, принесла стеклянную пепельницу и высокий стакан, наполовину наполненный водой.

– Митрич! Я, конечно, не английская леди, но может быть, ты-таки представишь мне молодого человека?

– Егор, – сказал Митрич. – Егор Андреевич Нерослов! Год рождения...

– Довольно информации! – сказала Сабина, махнув рукой. Митрич картинно захлопнул рот ладонью.

– Егор, – сказала Сабина, медленно двигая полными губами, как бы пробуя на вкус это имя. – Андреевич. Так... Ан-

дрей Первозванный, а Егор? Егор – Победоносец! Георгий, Жорж!

Она рассуждала вслух. Митрич метнул строгий взгляд на Егора: молчи! Егор слушал Сабину Казимировну и никак не мог связать её манеру говорить с сухой медицинской книжкой. В следующую секунду Сабина Казимировна удивила его ещё больше.

– Жорж! – сказала она. – Вы так и будете сидеть на измятом букете? Поставьте же цветы в воду! Они не виноваты в том, что Георгий Андреевич должен стать врачом!

Егор взял букет, расправил шелестящую обертку, перевязанную красной ленточкой, поставил цветы в стакан.

– Фиалки? Как это мило! И откуда Митрич узнал, что это мой любимый цвет? – Сабина обращалась к Егору, ничего не осталось делать, как отвечать.

– Я сам выбирал, – сказал Егор. – Розы были тёмно-красными.

– Вы решили, что они не для сухонькой старушки?

Егор вздрогнул.

– Итак, Митрич, передаю инициативу в твои цепкие руки!

– Сабина Казимировна, – официально сказал Митрич. – Как Вы изволили заметить, этот «мальчик» хочет и должен стать врачом.

– Не извольте ревновать, Алексей Дмитриевич – улыбнулась Сабина. – Вы давно растеряли на это все права! Не так ли?

Митрич игриво поморщился и продолжил, уже без патетики:

– Сабина, этому молодому человеку надо помочь. Он мой друг, а значит, и твой!

– Митрич, не замечала тебя в этом бизнесе! – сказала Сабина, нахмурившись.

– Как ты можешь?! – Митрич привстал со стула. – Я? Чтобы я?

– Не надо, Митрич! Не надо! Не привлекай публику молодёжного кафе! – Сабина положила ладонь на его руку. – Хорошо, я сказала чепуху! Но и ты не носи околесицу! Какой тебе интерес? – Сабина говорила так, будто Егора не было за столиком, но продолжала смотреть на него. Не строго и без злобы, – изучающе.

– Это лучший друг моего друга, – сказал Митрич и сам себе улыбнулся. – А пускай я несу околесицу! Но это так, и другого мне сказать нечего!

– Земляк? – спросила Сабина, не отрывая глаз от Егора. Он хотел ответить, но Митрич опередил.

– Не надо просвечивать парня рентгеновским глазом! Да! Он мой земляк. И я прошу тебя помочь!

– Стоп! Стоп! Стоп! – вскрикнула Сабина несколько раз. Егор испугался, она села на иголку?

– Перестань нудить, Алёша! Это тебе не идёт, – она поднялась из-за стола. – Жорж, потанцуем?

Егор усмехнулся, Ему что, семнадцать лет? Хотя, Сабина

не тоже не семнадцать – даже не тридцать! Или в столице так принято? Он встал и протянул даме руку. Играла модная ламбада.

Митрич сдвинул пустой столик в сторону, парочка вышла на центр. Начался танец.

Сабина двигалась легко и плавно. То ли она знала, как нужно танцевать, то ли угадывала ритм. Егор повторял движения партнёрши и увлёкся.

Вскоре кафе наполнилось молодыми людьми. Они стали в кружок и, потягивая газированный тоник, хлопали: парни ладонью о кулак с зажатой баночкой, девушки звучно – в ладоши.

Когда Егор подхватил Сабину за талию – иначе она бы упала – ощутил силу её тела: упругого, и одновременно податливого. В этот момент Сабина посмотрела на него и чмокнула в губы.

Музыка прервалась. Это Митрич отключил магнитофон. Толпа недовольно зашумела.

– Хорошего помаленьку! – сказала Сабина зрителям и проводила кавалера за столик.

А молодые люди уже всюю танцевали – Митрич снова включил музыку.

– Жорж! Не смущайтесь! Я преподаватель и должна учить молодёжь. Везде и всюду! – сказала Сабина, пробуя мороженое.

Егор смотрел на неё и недоумевал. Совсем не запыхалась,

тогда, как он взмок! Сабина теперь не смотрела на него. Разговаривала с Митричем как со старым другом, не обращая внимания на Егора. Похоже, он не прошел какое-то скрытое испытание. Ну и что? Егору было всё равно. Он с отвращением выпил ненавистный с детства коктейль и отвернулся, что не помешало ему слышать разговор.

– Митрич! Жорж не сможет поступить в академию, все мои связи и старания не помогут! Для этого нужно очень много денег.

– Сколь много?

– наших гонораров, если ты их имеешь в виду, не хватит.

– И это говорит Сабина Казимировна, для которой нет ничего невозможного?!

– Мальчик неплохой и способный, но времена не те!

– Не узнаю Сабину Казимировну! Прости, что отняли твоё время! – Митрич поднялся и щёлкнул пальцами, вызывая официантку для расчёта.

– Если бы я сама себя узнавала, – вздохнула Сабина. – В Приёмной комиссии председателем сидит Аллочка – моя ученица, уже доцент, но это, к сожалению, ничего не значит. Квота на бюджетников исчерпана на много лет вперёд.

– Не оправдывайся, Сабина! Он поступит! – по слогам сказал Митрич. – И без твоей помощи!

Подошла официантка. Митрич замешкался. Просить денег у Егора в присутствии дамы неудобно. Сабина всё поняла и расплатилась, вынув из кошелька – пятидолларовую банк-

ноту. Девушка в синем фартуке машинально взяла деньги и застыла, раскрыв рот.

– Что? А-а! Поняла! – Сабина вынула ещё один доллар. – Это тебе на чай, девочка! Не пугайся! Со вчерашнего дня статья о валютных махинациях отменена!

– Пойдём, Егор! Попрощайся с тётёй!

– До свидания, – сказал Егор.

Сабина встала, взяла букетик и обратилась к Егору:

– Жорж! Разве вы не проводите меня по машины?

– Обязательно! – сказал Егор.

Сабина подхватила его под руку и направилась к выходу. Егор оглянулся. Митрич поднял руку кверху, выкинув большой палец. Сводник!

У Егора закружилась голова.

Усевшись за руль, Сабина сунула в руку Егору визитную карточку.

– Жорж! Жду вас завтра у себя!

– Я не знаю, – сказал Егор. Столичные штучки нравились ему всё меньше и меньше.

– В шесть вечера, вместе с Митричем! – Сабина захлопнула дверцу. Егор ничего не ответил, он возвращался к столу.

– Жорж! Не забудь надеть зелёный галстук, он в цвет моему платью! – донеслось до него из приоткрытого оконного стекла машины.

Егор обернулся, но ярко-зелёная «ауди» уже вырулила

на проезжую часть.

– Кого она лечит? – спросил Егор у Митрича.

– Медицину.

– Хорош шутить!

– Я не шучу! Она самый последний врач человека.

– Трупорез?

– Трупорез, после обработки больных труподелами! Зато лечит она не больно и жалоб от пациентов не бывает.

– М-да, – протянул Егор, поразившись ещё одному открытию.

– Что она сказала? – спросил Митрич,

– Пригласила нас к себе. Завтра, к шести.

– Так, – Митрич посмотрел на небо. – Завтра с утра идём сдавать документы!

– Почему завтра? Почему с утра?

– Потому, что к вечеру я напьюсь!

– Возьмём сухарика? – предложил Егор.

– Нет! – отрезал Митрич. – Сегодня ни капли!

Вечером, за чаем, молчали. Каждый о своём.

– Знаешь, почему я выключил музыку? – вдруг спросил

Митрич.

– Потому что увидел, как я устал.

– Верно! Она-то подумала, что ревную! Самая странная женщина в мире! Между прочим, Сабина Казимировна профессор и член-корреспондент!

– Член чего?

– После похочем! А пока, запоминай титулы! Ещё один: почётный член Королевской академии!

– Какого короля?

– Великобританского! – с гордостью сказал Митрич.

– И танцует ламбаду в уличном кафе!

– Заметь, совершенно трезвая! Исключительная женщина!

– А почему вы расстались? – в лоб спросил Егор.

– Нет ничего сильнее и глупее алкогольной жажды!

– Ты напился в неподходящий момент?

– Момент был подходящий, но напился не там и не тем! Знаешь же, когда выпьешь и мало, что бывает?

– Ищешь добавки.

– Именно! Повод был хороший, значащий. Её труд напечатали, как не выпить? С радостной вестью я пошёл на кафедру патанатомии. У Сабины были студенты. Ждал окончания занятий в их музее. Знаешь, там всякие уродцы и человеческие органы в банках и колбах?

– И дальше?

– И дальше подошёл к столу, посмотрел. Стоит несколько разнокалиберных банок. Воняет формалином – жуть! До магазина далеко, а Сабина освободится не скоро!

Егор кивнул, понимая.

– Понюхал я эти баночки, пройдясь по музею. В самой мелкой уловил-таки запах спирта! Повезло?

– Повезло.

– Попробовал на язык, порядок! Приложился. Разведённый донельзя, а похорошело! Подождал. Приложился ещё. И ещё. Так до дна и выпил. Двести грамм на полчаса растянул!

– А на дне что было?

– При чём тут дно? Сабина увидела меня в самый неподходящий момент: как раз ставил баночку на место. Вот и всё, – Митрич уронил голову.

– В баночке-то что было?

– Изысканный французский деликатес!

– Лягушка?

– Что ты морщишься? Там была ещё одна баночка спирта с разрезом прямой кишки человека! Хочешь, скажу, где стоит?

– Где? – неожиданно спросил Егор.

– Как заходишь в музей, по левому ряду на второй полке от дальней стенки – третья баночка! Во всех остальных препаратах формалин!

– Вы поссорились?

– Хуже. Она перестала замечать меня. Совсем. Смотрит, как на прозрачную стенку, и всё!

– Что-то я такого не заметил!

– Столько воды утекло! Десять лет, шутка ли? Всё забылось и перетёрлось.

– Тогда вернись к ней! Может, завтра останешься?

– Может и останусь, – сказал Митрич, глядя в пол. – Здесь.

– Почему ты не хочешь?

– Потому что! У нас с нею ничего не получилось. Если не вышло сразу, начинать заново ни к чему!

Больше они не разговаривали. Спать легли раньше. Добираться до академии далеко, а своей «ауди» у Митрича нет.

В помещение приёмной комиссии они вошли вместе. По каким-то соображениям Митрич поменял решение, и друзья прибыли задолго после обеда. Рабочий день заканчивался, студентки-практикантки собирали документы поступающих. Егор с Митричем стояли в уголке и не спешили.

Подходили и уходили абитуриенты, а Митрич молчал. Он сосредоточенно изучал плакаты. Егор потерялся. Когда ему сдавать документы?

С шумом распахнув двери, внутрь ворвался темнокожий мулат. Пританцовывая, он прошёлся по залу, осмотрел работающих студенточек и выбрал потенциальную подругу. В ушах негра были вставлены белые наушники, сиреневые проводки свешивались к блестящему плееру, надетому на шею. Темнокожий схватил свободный стул и приставил его к сидящей за столом девушке. Пухленькой и миловидной. Её реденькие волосы были обесцвечены до вида паутины.

– Ляриса! – обратился негр к девушке, сунув пальцы в нагрудный карман. Убрав руку, он оставил уголок сотни баксов, чтобы было видно всем.

Лариса разулыбалась под завистливые взгляды подруг.

Она быстренько закончила принимать документы у шупленькой вчерашней десятиклашки и потянулась, выгнув широкую спину. Темнокожий танцор погладил её по лопаткам и скользнул рукой под мышку, остановившись у груди. Его ладони едва хватило накрыть половинку одной груди Ларисы, она взяла тёмную руку и плавно отняла.

Как замороженный Егор подошёл к освободившемуся стулу. Негр улыбнулся ему, оскалив жёлтые зубы. Егор подмигнул парню. Лариса, не хотя, поздоровалась. Друг моего друга – мой друг, решила она.

– Ваши документы!

Егор раскрыл папку. Всё согласно списку: от выписки из трудовой книжки до аттестата о среднем образовании.

– Пишите заявление, вот образец! – Лариса протянула Егору лист бумаги. Для этого она приподнялась со стула, задев широким бедром темнокожего. Парень мгновенно сориентировался, подложив ладонь на её стул.

Садясь, девушка отклонила ладонь кавалера, чтобы не раздавить её. Парень собрался убрать руку, но Лариса не отпустила, прижав её к своей пояснице. Счастливый Отелло причмокнул толстыми губами.

Тем временем Егор написал заявление в двух экземплярах, как требовалось.

– Вы на конкурсной основе? – Лариса подняла накладные ресницы.

– На конкурсной, – ответил Егор.

Лариса закатила глаза, ощутив руку негра на своей коленке.

– Хорошо, – сказала она, позабыв, что ей запрещено принимать документы на конкурсной основе – только на платной.

– Заполняйте анкету! – она улыбнулась Егору так, будто это его рука лежала между её ног.

Темнокожий товарищ продолжал ласкать приглянувшуюся девушку. Одна его рука проскользнула по спине Ларисы и вновь оказалась у груди, второй он пытался попасть под юбочку, пока безуспешно – Лариса сжимала твёрдые ноги.

Егор заполнил все бумаги. Ларисе осталось подшить документы, подписать папочку и сдать председателю. Рабочий день она решила закончить. Уголок хрустящей долларовой бумажки в кармане джинсовой рубашки кавалера приковывал её внимание, а руки ухажёра готовили к сочетанию полезного с приятным.

– Это что? – спросила она у Егора, глядя на анкетный лист, заполненный абитуриентом. – Вы настоящий врач!

– Почему?

– У вас почерк соответствующий! – хихикнула студентка. – Придётся всё это переписать!

Егор взял чистый бланк, но Лариса, освободившись от объятий негра, отрицательно покачала головой.

На время чернокожий убрал руки, чтобы поменять кассету в плеере. Воспользовавшись передышкой, Лариса быстро

заполнила анкетный лист абитуриента.

– Поставьте подпись!

Егор размашисто подписался. Лариса просмотрела лист, заметила, что не проставила средний балл аттестата, решила дописать его. В это время негр справился с магнитофоном и сунул руку под юбку Ларисы. От неожиданности студентка сжала ноги, но рука негра скользнула и погрузилась между ног, в самую промежность.

– Ах! – вздохнула она, дёрнув плечом. В результате ручка в её руке дрогнула и вместо тройки получилась пятёрка. Получилось, что средний балл абитуриента Нерослова равен пяти целым, нулю десятым. Егор ничего не заметил.

Лариса расслабила ноги, но негр не убрал руку, наоборот! Если так будет продолжаться, она будет вынуждена залепить пощёчину, а значит, лишиться хрустящей сотни! Плевать ей на этого абитуриента! Пусть идёт как медалист! В крайнем случае, председатель комиссии обнаружит её ошибку и пожурит. За такую чепуху из академии не отчисляют.

Лариса закрыла папку с документами Егора и понесла её к центральному столику. Ухажёр подпрыгнул за ней. Просунув руку под юбку, где не было никакой одежды, негр забрал папку из рук Ларисы и бросил документы Егора в меньшую кучку.

Не отпуская девушку, подпрыгивая, мулат вывел её прочь из душного холла.

Егор стоял и смотрел им вслед.

– Осуждаешь? – толкнул его под локоть Митрич.

– Негра? – машинально спросил Егор.

– Ха-ха-ха! – зашёлся в хохоте Митрич. – Я тоже не расист!

Егор начал понимать юмор Митрича. Рассмеялся.

Пока они хохотали, прыщеватая девушка, которая с ненавистью смотрела на цветущую Ларису, ухватила тонкую кипу документов и занесла в кабинет Секретаря приёмной комиссии.

Друзья почему-то не уходили. Егору было сказано, что на собеседование через пять дней. А он стоял на месте. Не двигался и Митрич.

– Нерослов Егор Андреевич! – выкрикнул женский голос из приоткрытой двери секретаря приёмной комиссии.

– Тебя! – сказал Митрич.

– Я пошёл!

– Удачи!

Егор зашёл в кабинет. Вопреки его ожиданиям, это была не Приёмная. И кричала в коридор не секретарша. В крохотной комнатухе с низким потолком барьером стоял стол, а за ним сидела темноволосая женщина. Тонкими пальцами она перебирала какие-то бумаги.

– Егор Андреевич, вам сколько лет? – спросила она, глядя на абитуриента исподлобья.

– Тридцать.

– У вас есть какой-либо рабочий опыт?

– Да! В теплотехнике и сантехнике.

– А в медицине?

– Ожоги, раны, порезы.

– И вы, спустя пятнадцать лет после школы, вдруг решили стать врачом?

– Да, – ответил Егор. По тону женщины не понять, чего она добивается?

– Так, счастливого пути! Удачи на экзаменах! – она поднялась из-за стола. Егор наблюдал. Женщина поднималась медленно: поднималась-поднималась, наконец выпрямилась, едва не задев головой люстру.

Женщина протянула длинную ладонь. Памятуя о нравах в столице, Егор принял её, поднёс к губам и поцеловал. После чего он разжал пальцы, но женщина не убирала руку. Склонив голову, она смотрела на Егора поверх тёмных очков. Егор выдержал взгляд, в котором не прочёл ничего, кроме любопытства. Наконец женщина отняла свою ладонь и сказала:

– Ваши документы приняты в первый поток на конкурсной основе! Следите за доской объявлений! Вам как медалисту, достаточно сдать один экзамен по биологии! Ещё раз, счастливо!

Егор поклонился и вышел. На пороге он споткнулся и чуть ли не лбом раскрыл двери.

– Колхозник с задатками интеллигента! – сказала секретарь приёмной комиссии. Она отложила документы Егора

в самую тоненькую кипу. Женщина не знала, кто за ним стоит и кто платит, но инстинктивно полагала, что рассортировала правильно.

Егор с Митричем даже и не подозревали, что сдали документы в элитную группу «стопроцентно проходящих бесплатно» абитуриентов.

Вернувшись домой, Егор достал свой единственный учебник и положил его на стол. Чтобы не забыть почитать перед экзаменом.

Митрич смотрел на часы, потирая руки. Основное дело дня позади!

Документы Егора приняты без проволочек и вымогательств.

Глава 11

Весна пролетела незаметно. Лето приближалось к середине, день пошёл на убыль. Георгий Тимурович перестал считать дни своей ссылки ещё в конце марта. Чувствуя, как теряет квалификацию, сидя на приёме и зарываясь в бесчисленных бумагах, Лазарев стал по-тихому ходить в клинику на операции. Ночами, во время дежурства друга, он появлялся в операционной. Слава звонил Георгию, вызывая его на ночные операции. Раз-два в неделю Георгий работал за операционным столом. Дежурные сестры относились к Лазареву неплохо, никто не стучал о несанкционированной деятельности опального хирурга.

В сложных случаях Слава звонил старшим коллегам. Тогда Георгий был вынужден уходить из операционной. Однажды поступил мужчина с ранением в сердце. Ножевое, проникающее и очень опасное. Время жизни пациента исчислялось минутами. Георгий заскочил в операционную на помощь другу и коллеге. Они ушили рану и «завели» сердце. Конечно же, теперь нужно позвонить. Слава оставил больного под наблюдением Лазарева и пошёл к телефону.

Едва он переступил порог операционной, сердце пациента остановилось, околосердечная сумка наполнилась кровью. Дефибриллятор был бесполезен. Георгий вновь вскрыл перикард и осмотрел сердце. Рана оказалась сквозной. Раневой

канал прошёл сквозь правое предсердие и верхушку сердца. Лазарев ушил рану, с помощью анестезиолога Николая Ивановича реанимировал пациента.

– Пора удирать, Георгий! – сказал ему Николай Иванович.

– Понял! – Георгий выбежал в предоперационную и скинул перчатки.

За дверью раздались голоса. Оказывается, заведующего отделением вызвала санитарка Приёмного покоя ещё до начала операции. Георгий вспотел, во рту пересохло. Если его увидит заведующий, Славке несдобровать! Что же делать?

– Георгий Тимурович, – прошептал ему в ухо женский голос. Это санитарка оперблока, пожилая тётя Клава. По-другому её никто не называл. Возможно, она работала ещё в войну.

– Сынок, заскочи сюда! – тётя Клава раскрыла узкую дверцу в стене.

Это встроенный в стену шкаф. Здесь санитарка складывала бельё. Поблагодарив тётю Клаву, Георгий вошёл внутрь и услышал, как щёлкнули шпингалеты двери его темницы.

Вошли доктора. Заведующий расспросил Славу о ранении, о произведённом объёме операции.

Дежурный хирург доложил кратко и внятно. Они помыли руки и вошли в операционную.

Ноги Георгия устали, под колени давила поперечная перекладина – полка шкафа. Он знал, что тётя Клава будет в операционной до конца работы хирургов – таков порядок. Из-

ловчившись, Георгий присел на полочку, уткнувшись коленями и лбом в наружную дверь.

В таком положении Георгий пробыл неизвестно сколько времени. Он не понимал, чего они там копаются? Если рана ушита, а больной жив, долго ли зашить разрез операционного доступа?

Но иначе думал заведующий отделением. Он решил сделать операцию «на сухом сердце», чтобы убедиться в том, что оно способно работать после ушивания молодым специалистом.

Пока устанавливали аппарат «искусственное сердце», пока заведующий не распорол сердце по вдоль, чтобы убедиться, что рана была ушита с чётким сопоставлением краёв и сохраняла герметичность: на всё про всё ушло два с половиной часа. Доверив молодому специалисту зашить кожу, заведующий вышел из операционной.

Когда тётя Клава открыла дверь шкафа, Георгий не устоял на затёкших ногах и упал на пол.

– Голову-то не ушиб, сынок? – спросила санитарка.

– За одного битого двух небитых дают! – сказал Николай Иванович. – Молодец! Заведующий, между прочим, не заметил сквозной раны, а я, соответственно, промолчал.

Георгий понял, почему анестезиолог промолчал. Заведующий стал бы зашивать сердце изнутри, оставив нити в полости сердца, что привело бы к тромбообразованию. Так уже случалось. Но «что позволено Юпитеру, то не позволено бы-

ку!»

Николай Иванович пригласил Лазарева в ординаторскую, переждать, пока заведующий переоденется и уйдёт. Сам анестезиолог ушёл наблюдать за больным в послеоперационном периоде.

Георгий от нечего делать полистал подшивки медицинских газет. Ничего нового не сообщалось, Георгий посмотрел на тумбочку возле телевизора. Там лежала другая литература – бульварная периодика. Георгий поглядел на разноцветные газетки, скучая, отбросил их на столик. Кричащий ядовито-красный заголовок привлёк его внимание. Лазарев вынул газету из кипы, развернул и прочёл заголовок статьи.

Нет, сегодняшний день ещё не закончился!

«Смерть в шампанском»! В статье сообщалось о гибели признанной красавицы «Мисс Москвы». Тело Изольды было обнаружено в ванной, наполненной до краёв шампанским. По официальной версии она захлебнулась. По неофициальной – погибла от передозировки наркотиков. Так или иначе, в убийстве не подозревался никто. Сердобольная журналистка выразила сочувствие её жениху. Между строк ясно читалось, что не всякой красавице дана такая романтическая, шикарная смерть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.